

О вере во Христа (тысячелетний путь русского православного народа со Христом)

Протоиерей Сергей Четвериков

Содержание

- [Информация о первоисточнике](#)
- [Предисловие](#)
- [О праве верующих в Бога жить по закону своей веры не только в личной, но и в общественной жизни](#)
- [Только религиозное мировоззрение объясняет человеку его место в мире](#)
- [Православный Символ Веры как выражение религиозного сознания православного русского народа](#)
- [Русское народное восприятие христианства и его отображение в русской художественной литературе](#)
- [Русский народ не может отказаться от своей христианской веры как от духовного основания всей своей жизни](#)
- [Наше будущее не должно быть отказом от религиозного прошлого, которое навсегда останется непоколебимым основанием нашей жизни](#)
- [Православная вера русского народа как необходимое условие мирного, дружного сожительства и сотрудничества всех народов русской земли](#)
- [Христианский смысл бывшего русского царского самодержавия](#)
- [Трудности и скорби религиозного пути русской государственности](#)
- [Сущность Петровского преобразования русской жизни](#)
- [Дальнейшее проникновение к нам западного влияния и противодействие ему русского народного духа](#)
- [Подъем духовной жизни в русском обществе и в русском народе в XVIII и XIX веках](#)
- [Православная жизнь христианская не есть только единоличная жизнь, но и жизнь соборная: семейная, приходская, епархиальная и всенародная](#)
- [Правильная постановка религиозной жизни русского народа не может быть осуществлена без усилий самого верующего народа](#)
- [Православный русский народ и партия большевиков](#)
- [Критический момент в жизни русского народа](#)
- [Большевистский вопрос есть прежде всего и главным образом вопрос](#)

религиозный

- Неизвестность срока всеобщей мировой катастрофы, хотя признаки ее и указаны
- О признаках второго пришествия Господа Иисуса Христа и их значение
- Тысячелетнее Царство Христово
- Откуда придет спасение Русской земли
- Божий Покров над Русской землей
- Отец Сергей Четвериков
- Мой отклик
- Биографическая канва

Информация о первоисточнике

При использовании материалов библиотеки ссылка на источник обязательна.
При публикации материалов в сети интернет обязательна гиперссылка:
"Православие и современность. Электронная библиотека." (www.lib.eparhia-saratov.ru).

Преобразование в форматы epub, mobi, fb2
"Православие и мир. Электронная библиотека" (lib.pravmir.ru).

Предисловие

Да не смущается сердце ваше: Веруйте в Бога и в Меня веруйте

Ев. от Иоан. 14, 1

"Я и Отец - Одно"

Иоан. 10, 30

Умом Россию не понять
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать -
В Россию можно только верить.

Ф. И. Тютчев.

В жизни русского православного народа должно быть отведено свое место как

жизни государственной, хозяйственной, технической, социальной, так и жизни духовной, религиозной, православной, ибо природа человеческая двойственна - *материальная и духовная*, в чем каждый может легко удостовериться и самонаблюдением, и опытом. Одно дело - ум, чувство и воля, другое дело - физические свойства и потребности. Вполне принимая советский хозяйственный и государственный строй, мы не можем игнорировать духовные потребности, свойства человеческой природы русского человека, законы и потребности которой определяются и регулируются духовной природой человека, словом Божиим и Церковью. Различение в русском народе этих двух элементов человеческой природы - духовного и физического - ни в коем случае не может помешать полноте жизни русского человека, и, наоборот, игнорирование того или другого элемента отразится на его жизни уродливой однобокостью, которой, конечно, необходимо избежать [1]. Таково наше искреннее убеждение.

1. Настоящая рукопись написана в защиту православия как неизменного основания духовной жизни русского православного народа независимо от формы государственного и социального устройства его жизни [^](#)

О праве верующих в Бога жить по закону своей веры не только в личной, но и в общественной жизни

В настоящее время поставленный вопрос является самым существенным и основным вопросом человеческой жизни, в том числе и жизни русского народа, верующего и православного, ибо никогда еще вера и христианство не подвергались такому глумлению со стороны неверующих, как в наши дни, если не считать первохристианской эпохи - первых столетий существования христианства. Мы не понимаем, не видим никакого разумного основания к тому, чтобы стеснять людей, препятствовать им и лишать их возможности удовлетворять свои религиозные нужды по правилам их вероисповедания. Мы и не понимаем, почему русские верующие люди должны быть лишены права и возможности обновлять и строить храмы, издавать книги религиозного содержания, журналы и газеты, учить своих детей молитвам, общецерковному пению, священной истории, устраивать религиозные процессии (например. Крещенское водосвятие или Крестные ходы с чудотворными иконами - Казанской, Курской, Горбановской и другими) и собирать верующих на молитву колокольным звоном? [1]. Не дело государственной власти по партийным интересам вмешиваться в религиозную жизнь народа. От этого религиозное чувство народа может только принять уродливый характер или лицемерной набожности или притворного безбожья. И в том, и в другом случае религия

становится мучительным бременем для народа. Руководство религиозной жизнью верующих должно принадлежать не государственной власти, которая может состоять из людей неверующих или принадлежащих к другому вероисповеданию, а самим верующим и их церковной иерархии, и совершаться по правилам и обычаям их собственного религиозного вероисповедания. Если этот естественный порядок нарушается, то неизбежно возникают печальные последствия этого насилия: духовное разложение, опустошение и одичание человеческой личности, а затем разложение нации, государства и, наконец, крушение государства, что мы и видим на многочисленных примерах древних и новых народов. Спасти от этой участи, сохранить свой духовный облик, отстоять свою духовную самобытность ни народ, ни отдельная личность не могут, иначе, как сохранив самое ядро своего существа, свою верующую душу, осознав угрожающую опасность, воспрянув духом, почувствовав в себе силу и мужество, твердо и сознательно встать на защиту своих вековых духовных святынь, конечно, не силой оружия (она в этом случае ничтожна), а силой верующего чувства подобно первым христианам. Говоря о защите своих духовных святынь, мы отнюдь не разумеем вооруженную защиту своей веры. Разве первые христиане оружием отстояли свою свободу веры? - Не оружием, а мученическим подвигом, несмотря на то, что уже тогда они составляли огромное большинство в империи, и по свидетельству церковного писателя III века уже в это время христиане переполняли и сенат, и армию и другие государственные организации.

Не извне, и не в вооруженной силе надо искать спасение [2]. Посторонняя помощь всегда своекорыстна. Спасения надо ожидать только от Бога, в глубине своего верующего сердца. Так и было в первые века, когда христиане, выдерживая трехсотлетнее гонение и мучения со стороны язычников, в конце концов, силою веры, молитвы и терпения отстояли свою религиозную и богослужебную свободу. Так было и в последующий период Вселенских Соборов, когда Церковь после многих и тяжелых испытаний и жертв, отстояла чистоту православия от еретических вымыслов и формулировала свою православную веру в 12 членах своего Никео-Цареградского Символа Веры. И в том, и в другом случае победа над язычеством и ересями была достигнута только терпением и верой святых мучеников, мучениц и Святых Отцов Православной Церкви, их мужеством и непоколебимостью в исповедании своей веры. Вспомним хотя бы труды и испытания св. Афанасия Великого, Василия Великого, Иоанна Златоуста. Подобное же в известной степени можно сказать о религиозной самозащите православных христиан в Южной и Западной России в эпоху унии, южных христиан, да и о русских старообрядцах, силою верующего духа сохранивших в XVI, XVII и XVIII веках права на свои церковные обычаи и на свою веру.

Иного способа религиозной самозащиты от натиска безбожия, неверия и ереси, владеющих государственной властью, не может быть для верующих христиан и в наши дни. "В терпении вашем спасайте души ваши", - учит святой Апостол. А если бы этот выход и показался возможным и привлекательным при помощи той или другой внешней силы, то это был бы только, как мы уже сказали, самообман - такая защита оказалась бы призрачной и обратилась бы не в нашу пользу, а в пользу защитников. Не от силы материального оружия и не от помощи внешних защитников может прийти спасение русского народа от безбожия, а *только* от его собственной *духовной* силы, от силы его собственного *верующего духа*. Этой силой, при укрепляющей помощи Божией одержит *вера победу над неверием*.

Говоря все это, мы отнюдь не отрицаем и не умаляем разумного взаимодействия между Церковью и государством и разумного государственного воздействия на религиозную жизнь народа. Мы только утверждаем, что основное значение в этой области принадлежит *духу верующего народа*, а никак не мерам государственной власти. Вспомним хотя бы взрыв храма Христа Спасителя в Москве, в сооружении которого, как известно, не играли никакой роли политические соображения, а одно только благодарное чувство к Богу великого русского православного народа. Зачем понадобилось это изуверство и глумление над народным чувством?

1. Это было писано в 20-х гг. [^](#)
2. Писалось в годы немецкого натиска [^](#)

Только религиозное мировоззрение объясняет человеку его место в мире

Основываясь на примере и опыте русского народа, мы со всей определенностью утверждаем, что только религиозное мировоззрение, и тем более мировоззрение христианское, строго православное, создает глубокую, здоровую и непоколебимую основу жизни как отдельного верующего человека, так и целого народа. И это понятно. Только религиозное мировоззрение ставит человека в ясную и определенную связь с мировым началом жизни, указывает человеку его место в жизни. Не имея религиозного мировоззрения, не сознавая своей связи с высшим мировым началом жизни, как может человек понять свое место и свое назначение в мире и в жизни? Спросите любого материалиста-безбожника (я сам был таковым в пятом классе гимназии) что такое человек? И для чего он существует? Вы не услышите от него не то что исчерпывающего, а просто ясного, определенного ответа. Он заговорит о происхождении человека путем естественного отбора в борьбе за существование как необходимом условии мирового прогресса, о переживаниях приспособленнейших и т.д.; объяснит вам

органический и химический состав человеческого тела. Все это очень интересно и прекрасно, но разве это ответ по существу на вопрос о смысле и цели человеческого бытия, о назначении человека, о том, что такое человеческая душа, какова ее связь с телом, возможно ли ее самостоятельное существование? Ни материалисты, ни атеисты, ни позитивисты - на все эти вопросы не дадут вам никакого определенного ответа. Они дадут вам наставление, скажут что вы интересуетесь "глупостями", "туманной философией", что важно совсем не то, *для чего создан человек*, а то, *как он произошел* и т.д., и т.д. Действительный, определенный и разумный ответ о смысле человеческой жизни дает *только* религия, *связывая человеческое существование с вечностью*, с вечным мировым началом жизни и в нем усматривая вечный, мировой, разумный смысл человеческого существования. Какую религию мы ни возьмем, все они стремятся объяснить *вечный* смысл человеческого бытия, без понимания которого человек не может жить разумно. Только имея веру в вечное, мировое начало жизни можно понять и назначение свое в мире, и свое место в нем, и смысл всего существующего. Эта истина подтверждается историей и опытом всех людей и всех народов. Можно, конечно, спорить об истине тех или иных религиозных учений, но нельзя не признать того, что каждое из них стремится дать ответ на самый важный и необходимый для каждого человека вопрос о смысле и цели его земного существования. Оставаясь без этого ответа, атеисты остаются в пустоте, а если не в пустоте, то, значит, скрывают имеющийся у них ответ. Когда же в отдельных людях, в том или ином народе начинает колебаться или затмеваться религиозное сознание, тогда неизбежно начинается в них общее разложение культуры, за которым следует развал и разрушение самой их государственности. От народа отходит скреплявший его дух *единой веры*, начинается духовная, а затем - гражданская дряблость, разобщенность, внутренняя партийная борьба и разрушение единого целого. Исторический опыт всех народов - евреев, египтян, греков, римлян и современных нам народов подтверждает справедливость сказанного. Такая же судьба готовится и русскому народу, если он не сумеет удержаться на твердом основании своей православной веры. Но для него возможен еще и иной, более ужасный исход, предсказанный Апокалипсисом. Это - переход от Христа на сторону Его будущего противника - Антихриста. Эта возможность связана с такими ужасными последствиями, что о ней страшно и думать. И, может быть, Господь помилует и спасет нашу Родину и наш народ от ужасной участи - быть орудием в руках дьявола в его борьбе со Христом и с Богом! И наш народ не отречется от своей православной христианской веры и крепко в ней утвердится!

Православный Символ Веры как выражение религиозного сознания православного русского народа

народу

народа

Тысячу лет тому назад, при святом равноапостольном князе Владимире русский народ принял христианскую веру. Он принял ее главным образом по доверию к Великому князю и к его бабке, св. Ольге, но не только поэтому. Его привлекали и сама христианская вера, сам Христос, Божия Мать, святые мученики, Отцы Церкви, подвижники. Проповедники христианской веры посещали Русскую землю с апостольских времен. На ней побывали апостол Павел, апостол Андрей Первозванный со своими учениками и спутниками. При Владимире христианская вера стала нашим всенародным достоянием, *основанием* жизни не только отдельных верующих, но и *принципом жизни* всего русского народа. Русская земля стала землею Святорусскою. В православном Символе Веры нашло свое выражение христианское самосознание русского народа. Вместе с Евангелием, с псалтирью, с житиями святых, с писаниями Отцов Церкви, с церковными песнопениями Символ Веры выразил и направил нашу православную христианскую мысль, установил наше отношение к Богу, к людям и к жизни. Если это и не было у всех совершенно ясно и отчетливо осознанным и сформулированным мирозерцанием, во всяком случае, это было глубоко живущим в тайниках души двигателем и вдохновителем совести и поведения верующих русских людей. Плохо это было или хорошо, разумно или неразумно, удачно или неудачно - это показала вся последующая жизнь русского народа, его тысячелетняя история и духовный облик, сложившийся под влиянием Православной Церкви и примеров православных святых.

Русский народ создал *единственную* в мире страну не только по размерам, но и по нравственному ее облику, сохранив добрые отношения со всеми многочисленными народами, вошедшими в состав его государства; и такие же добрые отношения он стремился поддерживать со всеми другими народами его окружающими. Для русского народа, проникнувшегося духом христианства, не существовало и не существует народа и племен презираемых, ненавистных, нетерпимых и гонимых. Он стоит на широком основании христианской любви. В каждом человеке он умеет находить и видеть образ Божий. У него широкое, вместительное сердце. И это дала, этому его научила не только данная ему Богом природа, но и его святая православная вера, христианство в его чистейшем выражении без примеси человеческих домыслов, изменений и дополнений. Мы глубоко и любовно воспринимаем примеры и заветы мучеников, наставления святых отцов и подвижников Церкви, своих собственных святых, Христа-ради юродивых и старцев. Особенно же мы почитаем близких нам по духу святых - святителя Николая, святых великомучеников Георгия и Пантелеймона, святых великомучениц Варвару и Екатерину, святую равноапостольную Нину, св. Алексея (человека Божия), св. Филарета Милостивого, св. пророка Илию, а из наших русских - преп. Сергия Радонежского, преп. Антония и Феодосия

Печерских, преп. Засиму и Савватия Соловецких, преп. Сергия и Германа Валаамских, святителей Митрофана Воронежского, Тихона Задонского, Иосифа Белогородского и всех других святых и подвижников, юродивых и странников, своей жизнью, наставлениями и беседами, осветивших, осмысливших и указавших русскому народу образ и путь христианской святости, научивших его каяться и молиться. Конечно, русский народ не святой народ. В его жизни и в его душе много нечистоты и грязи. Но он знает, где находится и в чем состоит подлинная правда и святость. Его не обманешь фальшивой напускной святостью. Он тонко отличит истину от лжи во всяком человеке. И в то же время он ничем и нисколько не застрахован от того, что он не предпочтет дьявольский путь зла Христовому пути добра и правды. Примеры Разина и Пугачева с их товарищами это ясно показывают.

Не можем не отметить и еще одного обстоятельства в исторической судьбе русского народа - его исключительное и замечательное географическое положение между Европой, Азией и Америкой, на необъятных просторах Европейской России и Северо-Восточной Азии. Это положение поставило русский народ в особые отношения ко всем народам мира, связывает его с людьми самыми разнообразными по своей истории и культуре, с одной стороны - простыми и первобытными по вере и понятиям, с другой стороны - хранящими остатки древних великих культур и традиций индусов, китайцев, монголов, японцев, арабов, евреев, а также и с людьми самой последней современной европейской культуры. Такое международное положение русского народа в связи с особенностями его собственной культуры, с одной стороны, делает ему близкими и понятными все эти разнообразные по культуре народы, а с другой - отмежевывает его от них, обязывает его понимать, любить и беречь свои собственные духовные особенности, свой собственный духовный облик и свой особый жизненный путь. Этим определяется необычное, загадочное, но и чрезвычайно важное назначение русского народа в судьбах и в жизни европейских и азиатских народов, не теряя своей самобытности и своего особого пути, быть духовным связующим узлом и центром мировой жизни в будущих неведомых, загадочных судьбах и обстоятельствах человеческой истории.

Русское народное восприятие христианства и его отображение в русской художественной литературе

Рассмотрим ближе духовный облик русского народа в свете его религиозного самосознания и его отображения в русской художественной литературе. Русский народ, повторяем это снова, воспринял христианство не только как внешний

обряд (хотя и это, конечно, было), не только как совокупность отвлеченных догматов (что также, конечно, не могло не быть), не как правило внешнего нравственного поведения (хотя и это несомненно было), одним словом, он принял христианство не как нечто внешнее и формальное. Он принял его как живой и цельный образ Христа, глубоко его потрясший и глубоко запавший в его душу, как образец высочайшей святости, как источник святости, т.е. высшей божественной правды и красоты. Он принял Христа как живую, конкретную *святыню сердца*, пленившую его душу; принял Его всей душой, с величайшим благоговением, с сознанием своего недостойнства и окаянства, своей величайшей греховности и нечистоты; принял Его как воплощение божественной правды и непорочности, добра, милосердия и высочайшей святости. В таком именно восприятии Богочеловека и заключалась сущность нашего русского народного, православного восприятия христианства. Правильно это было или неправильно, но это было именно так, о чем свидетельствует и подтверждает наша художественная литература, наши писатели - Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Никитин, Алексей Толстой, Тургенев, Островский, Левитов, Златовратский, Успенский, Гаршин, Короленко, Щедрин, Л. Н. Толстой и другие. Особенно глубоко и проникновенно это восприятие Христа русским народом было отмечено и передано Достоевским, который во всех своих произведениях возвращается к излюбленной теме о Христе и говорит о себе самом, что "Христос всю жизнь его мучил". Мучил Христос всю жизнь и Л. Н. Толстого, может быть еще больше, нежели Достоевского, только мучил по-другому. Так же как и Достоевский, Толстой постоянно думает о Христе, постоянно возвращается к Нему не только в своих больших произведениях, но и в мелких рассказах ("Хозяин и работник"), в рассказах для народа. После всех своих юродств и бесчинств Толстой пришел умирать в Оптину Пустынь к сестре монахине в Шамордино, и они оказались ему роднее и ближе по духу его ближайших учеников и последователей. Об известном русском писателе, Николае Гавриловиче Чернышевском, авторе нашумевшего романа "Что делать" и курса политической экономии, жители Саратова, откуда Чернышевский был родом, где он доживал свои последние годы после ссылки, рассказывают, что он, будучи в молодости неверующим, под конец жизни, проживая в Саратове, не пропускал ни одного воскресения, чтобы не прийти в церковь и не подать просвирку "о здравии" и "за упокой".

Ничего предосудительного в этом, конечно, не было, но это показывает, как меняется с годами наше самосознание и как углубляется наше понимание жизни. Все это показывает также, что русский народ во всех своих классах, образованных и необразованных, чувствовал, видел и понимал во Христе, в Евангелии, в Церкви высшую правду, хотя и не умел оставаться ей неизменно верным. И это отметила наша художественная литература: Некрасов в своем

"Рыцарь на час", Лермонтов - "Выхожу один я на дорогу", Толстой - "Хозяин и работник" и другие. Это чувство *таинственного присутствия Божиего в мире*, столь свойственное чистой, незаглушенной разным литературным хламом русской душе, оказалось в первые годы революции совершенно чуждым, непонятным и ненужным деятелям нашей революции, глумившимся над всем священным, над храмами, над иконами, над богослужебными книгами. И каких только пошлостей на религиозные темы не печатали в первые годы революции. Не хочется даже писать заглавия, казавшиеся в то время авторам остроумными. Слава Богу, это время прошло. Во имя чего все это делалось? Во имя свободы слова? Но всякое ли слово имеет право на свободу? Не думаем, не будем входить в подробности этих темных страниц нашего прошлого. Время это, к счастью, прошло и уже не повторится. Вся эта грубая история кощунственного глумления над религиозными чувствами и святынями русского народа на первых порах оглушила и придавила верующие души. Но сейчас русский верующий человек уже разобрался в своем новом положении. Споры по отдельным религиозным темам и вопросам потеряли свою остроту и значение. Каждый пошел своим путем. Главное место сейчас должно занять у верующих твердое и последовательное осуществление христианской жизни по учению святого Евангелия, по правилам Православной Церкви, по примерам святых подвижников Церкви. В этой правильной постановке своей христианской жизни, в преодолении безбожной психологии, в спокойном и твердом отстаивании своего права на веру, молитву и жизнь христианскую и заключается в настоящий момент самое существо религиозного вопроса в России. Нельзя не видеть, что религиозный вопрос снова становится в России на подобающее ему место. Да и не только в России, но и в Европе и во всем мире. Христианский мир возвращается снова ко Христу, снова преклоняется перед Ним. Все другие вопросы - политические, социальные, национальные, экономические - при всей своей значительности являются в настоящий момент вопросами вторичного, производного значения. Если человечество сумеет разрешить вопрос о Христе, стать ко Христу в правильное отношение, все остальные жизненные, так называемые "проклятые" вопросы, социальные, национальные и другие правильно разрешатся сами собой. Вся трудность их разрешения от того и происходит, что на них силится ответить, не разрешив в положительном смысле вопрос о Христе, не признав Христа от всего сердца своим Господом и Учителем, забывая сказанные Им слова: "Придите ко Мне все страждущие и обремененные, и Я успокою вас". Не в том только смысле успокою, что приласкаю, утешу, а в том, что только во Мне, в моем пути, в моем учении, в единении со Мной вам откроется возможность и путь к правильному разрешению всех ваших "проклятых" вопросов, ибо без Меня вы не можете сделать ничего истинно доброго. В примерах, в пути святых и подвижников русский народ с первых дней своей христианской жизни нашел и принял к сердцу трогательные и увлекательные примеры и черты христианской святости,

правильного отношения ко Христу, к Богу и к людям, и христианские святые стали для него высшим и увлекательнейшим примером истинной человеческой жизни.

Никакой другой идеал человеческой жизни, ни богатство, ни слава, ни власть не могли вытеснить из сердца русского человека этого христианского идеала - внутреннего единения со Христом. Идеал евангельской святости и единения со Христом стал реальным, жизненным идеалом русских верующих людей. Восприняв в своем сердце образ Христа как пример истинной жизни личной, семейной и общественной, русский человек с этим идеалом в сердце прожил целый ряд столетий, с ним он строил и выстроил свою государственную жизнь, о чем свидетельствуют примеры наших главных исторических деятелей от св. Владимира и св. Александра Невского до царя-освободителя Александра II, до Суворова, до Кутузова. Позволим себе сказать, до главного героя Великой Отечественной войны И. В. Сталина, его помощников, доблестных русских генералов и всего русского победоносного воинства.

А сколько было на Руси во все времена тайных неведомых праведников, живших тем же духом внутренней близости ко Христу, верности Ему, с любовью хранивших в сердце образ Христа, живших не только в монастырях, в лесах и пещерах, но и в обычных условиях мирской жизни, образы которых сохранены нам нашими писателями, народной памятью. До самых последних дней, не исключая и большевистских времен, Русская земля не оскудевала и не оскудевает Божьими людьми, Христовыми праведниками. В темницах, на горьких работах, в странничестве, в рядах победоносной армии не перестает сиять и теперь на Русской земле светлый лик Христов, освещающая людям путь жизни. Верный Христу народ показал своей жизнью, что христианство не есть отвлеченная теория и туманные фразы, а есть реальная, практическая, трудовая и мученическая действительность, исполненная вместе с тем небесного света, радости, любви, дел милосердия и самоотверженности. Имеет ли эта христианская психология русского народа право на дальнейшее существование? Мы не видим основания отрицать это и в этом сомневаться. Разве эта психология помешала русскому народу в трудах его государственного строительства? Не была ли она, наоборот, его творческой зиждущей силой? Да и сейчас, в годы тяжелой войны, не национальное ли и религиозное одушевление дало силу русскому народу выгнать могучего противника за пределы родной земли и преследовать на его собственной земле? Поэтому не является ли всякое антирелигиозное и антихристианское движение противным духу и традициям русского православного народа, губительным для его духовного устройства, а потому вредным и опасным для его государственного благополучия и процветания, подлежащим полному прекращению? Единственная польза безбожия заключается в том, что при нем еще ярче выступает правда веры и

жизни христианской.

Русский народ не может отказаться от своей христианской веры как от духовного основания всей своей жизни

Силой своей христианской веры и христианского одушевления русский народ преодолел все выпавшие на его долю тяжкие испытания - усобицы князей, набеги кочевников, двухсотпятидесятилетнее татарское иго; отстоял от иноземцев и иноверцев свою культуру, не пустил на свою землю шведов и немецких рыцарей, прогнал от Москвы поляков и снова прогнал шведов, пережил нашествие французов, вытерпел тяжкое бремя крепостного права; создал под духовным руководством своих великих архипастырей и подвижников, под управлением князей, царей и императоров ту Великую Российскую империю от Черного и Балтийского морей до Северного Ледовитого океана, до Великого восточного океана, до "стен недвижимого Китая", до пределов таинственной Индии, империю, которую теперь вручил своим новым правителям, ожидая, что они сумеют понять и оценить труды их предшественников по собиранию и устройению Русской земли, сумеют сохранить и защитить собранное достояние. И надо отдать справедливость нынешним правителям Русской земли - они сумели сохранить в целостности и даже увеличить принятое ими необъятное достояние. Особенно велик и поразителен их огромный и самоотверженный труд, подвиг в последней войне. Но необходимо и то, чтобы они сумели понять, оценить и сохранить самую душу русского народа, его христианскую, православную веру, прекратили бы ее бессмысленное угнетение и сами сознательно стали бы на ее твердом основании. Итак, имеет ли право русский народ отвернуться от великого, оставленного ему прежними поколениями духовного наследия православной веры и опыта, как от ненужной изношенной ветоши? Неужели нам остается теперь (по выражению некоторых) только "плюнуть" на весь этот пройденный нами исторический духовный путь, на все это наше великое и святое, духовное историческое прошлое, на всех его тружеников, подвижников, святых мучеников, на все исторические святыни, храмы, монастыри, чудотворные иконы и мощи святых угодников Божиях и начинать строить какую-то новую, беспочвенную, фантастическую культуру. Для нас должно оставаться навсегда дорогим, святым и неприкосновенным сокровищем религиозное прошлое, весь пережитый нами духовный опыт веры, молитвы, покаянных слез, небесных откровений и озарений наших предков. Мы не имеем права и не должны отказаться от святых преданий и заветов нашего прошлого, от его святых достижений, от строителей и тружеников нашего всенародного дома, проливавших кровь, пот и слезы за святую православную Русскую землю,

отдававших за нее свою жизнь. Но из этого, конечно, не следует и обратное - будто бы мы должны отвергнуть все технические, хозяйственные, государственные, социальные и иные достижения современной государственной власти. Как в свое время русский народ принял, хотя и с недоумением, нововведения Петра Великого, так и теперь ему необходимо принять советские социальные и культурные нововведения, исходящие из той же любви к народу и заботы о нем.

Наше будущее не должно быть отказом от религиозного прошлого, которое навсегда останется непоколебимым основанием нашей жизни

Мы не отвергаем новых задач нашей государственной жизни, открывающихся перед нами в зависимости от ее дальнейшего развития и роста, но эти задачи не должны непременно связываться с отрицанием и разрушением нашего прошлого. Как дерево растет, не теряя связи ветвей со стволом и корнем, так должна расти и государственная жизнь, не отказываясь от нажитого опыта и приобретенных достижений. Новое государственное строительство должно быть связано с прежними достижениями, с благодарной памятью к тем, кто раньше трудился над благоустройством государства и создавал его культуру. Наше русское прошлое не заслуживает поругания и оплевывания со стороны людей, его не понимающих и ему чуждых. Разве не позором для Русской земли, не оскорблением ее славного прошлого был взрыв Московского храма Христа Спасителя, воздвигнутого на всенародные пожертвования в память великой и самоотверженной Отечественной войны 1812 года? Что было позорного и недопустимого в этом величественном памятнике великой всенародной борьбы за Родину? Он вполне соответствовал религиозной психологии русского народа. В нашем русском прошлом много было тяжких скорбей и испытаний, но были и великие славные страницы, которых нам нет основания стыдиться. К таким страницам относится эпоха 1812 года. Наше будущее является естественным продолжением и развитием светлых достижений нашего прошлого. Прилично ли нам самим это светлое прошлое бросать в грязь и топтать ногами? Если мы не сохраним благодарной памяти о нашем прошлом, то и все наше будущее, вся история великого русского народа превратится в ряд катастрофических потрясений, разиновщин и пугачевщин, закончится самоуничтожением великого русского народа.

Православная вера русского народа как

Православная вера русского народа как необходимое условие мирного, дружного сосуществования и сотрудничества всех народов русской земли

Был такой случай. Когда в 1917 или 1918 годах нынешнего столетия русские добровольцы отняли у красных один из маленьких уездных городков Южной России, и русские солдаты вошли в город, один солдат набросился на проходившего по улице еврея и стал бить его прикладом своего ружья. Еврей упал. В это время по улице проходил русский священник. Он остановил солдата, пристыдил его, а еврей, пользуясь моментом, проскользнул в соседние ворота. Прошло несколько месяцев. Тот же священник проходил по улице того же города, вдруг идущий ему навстречу еврей бросается перед ним на колени и начинает горячо благодарить за спасение жизни. "Как? Когда?" - "Когда русский солдат избивал меня прикладом своего ружья и убил бы меня, если бы вы его не остановили". Священник был очень тронут этим проявлением благодарного чувства, поцеловал еврея и сказал: "Ну, идите с Богом. Не я, так другой бы кто-нибудь заступился за вас".

Не внешним насилием, а силой внутреннего роста распространялось и существовало тысячу лет русское царство. И только при внутреннем духовном единстве русского народа, создаваемом его единым православным мировоззрением и духом, не распадалось оно на свои составные элементы, не истощалось в бесплодной и губительной борьбе национальностей. В нем возможно было существование политического единства при всем разноязычном и разноверном составе Русской земли. Дух православия являлся связующим началом всех разнообразных элементов Русской земли. Ибо в том и заключается существенная особенность православия, что оно, составляя основу жизни православного русского народа, не препятствует инославным и иноверным элементам единой государственной семьи сохранять их собственную религиозную физиономию, жить по закону и правилам их собственных религиозных исповеданий, и в то же время составлять одно единое государственное целое. Исторический опыт ясно показал широкую веротерпимость русского православного народа, умеющего никого не стеснять в его религиозных понятиях и чувствах, законах и обычаях; умеющего уважать и деликатно обходиться с религиозными обычаями и привычками - и христиан других исповеданий, и иудеев, и магометан, и буддистов, и язычников разных толков. Таковым он остается и теперь. Выполнять и впредь эту историческую, духовно-государственную и педагогическую задачу русский народ может лишь при том условии, если он останется неизменно верным и преданным духу своего

православно-христианского исповедания, воспитавшего в нем эту широкую национальность и религиозную терпимость. Нетерпимость иногда считают принадлежностью исключительно религиозных убеждений и ссылаются на бывшие примеры религиозных гонений. Но нельзя не сказать, что и социалисты, считающие себя свободомыслящими, на деле оказались более нетерпимыми по отношению к религиозным верованиям и обычаям русского народа, чем кто бы то ни было другой, и только прикрывали эту нетерпимость якобы превосходством своей высшей культуры. Говоря это, мы имеем в виду первые годы большевизма. Каково теперь его отношение к вероисповедному вопросу мы не будем определенно утверждать, но, по-видимому, облик большевистского государства меняется. Последняя война во многом изменила облик большевизма, придав ему более национальный характер, очистила от крайностей социалистической идеологии и нетерпимости.

Единство Русской земли, свободно объединяющееся вокруг русского народа, ненавистно всем врагам единой, великой, могучей, союзной России. Они всеми силами стремились, стремятся и будут стремиться к тому, чтобы под предлогом заботы об отдельных народностях разрушить это единство Русской земли, разделить Россию на отдельные мелкие государства, противопоставить эти государства одно другому, натравить их друг на друга и добиться того, чтобы они во взаимном недоверии, вражде и борьбе изнуряли, ослабляли и разрушали друг друга. Эта опасность чувствуется, и с ней в СССР умело и успешно борются. Настойчиво утверждается государственная самостоятельность отдельных народностей Русской земли в их собственной внутренней жизни. Не умаляя законных прав и свобод отдельных народностей, все они связываются советской центральной властью в один общий и тесный непобедимый государственный Союз ССР.

Христианский смысл бывшего русского царского самодержавия

Говорить ли об этом вопросе? - Но почему не говорить, если русский народ вырос при царском самодержавии в огромное и могучее государство, занимающее, как говорят, шестую часть земного шара? Все зависит от того, что говорить и как говорить. Только бранить царское самодержавие - несправедливо, но и приходить от него в умиление - тоже несправедливо. Мы постараемся указать в чем заключалась его творческая сила, а в чем состояла его слабость, от которой оно и погибло, как и многие другие монархии. Мне кажется, нам вообще не следует бояться и избегать беспристрастной, трезвой и благожелательной оценки всех явлений нашей государственной жизни, и в особенности таких, которые имели многовековое и огромное влияние на нашу народную жизнь и на

наше международное положение. Нет необходимости возвращаться к старым формам государственной жизни - они выполнили свое назначение. Попытаемся сформулировать точный и ясный христианский смысл и значение пережитой нашим народом тысячелетней стадии государственной жизни и установить к ней правильное отношение без пристрастия в ту или другую сторону, положительную или отрицательную, но и с благодарным чувством за все то добро, за все труды, какие она внесла в нашу жизнь. Русское царское самодержавие было одним из проявлений русского православного самосознания. Без этой предпосылки оно останется по существу непонятным. Эта черта нашего народного самосознания пришла к нам не с Запада, а с православного Востока, из Византии. Смысл русского царского самодержавия был исключительно религиозный и нравственный, а не административный. В сознании русского народа царь являлся носителем и выразителем русской народной христианской совести, христианской правды. Поэтому русское самодержавие нельзя рассматривать только как явление политической или национальной жизни русского народа. Прежде всего оно является проявлением религиозной и нравственной совести русского народа и имеет свои корни не только в Византийском царском самодержавии, но и глубже - в ветхозаветной царской власти еврейского народа. Когда евреи по примеру соседних языческих народов пожелали иметь у себя царя, Бог, как известно, не одобрил этого их желания и предупреждал евреев, что царь обременит их налогами, необходимыми для содержания его двора и войска, и различными трудовыми повинностями, и что им лучше оставаться при прежнем порядке, когда Господь в трудные моменты народной жизни посылал им судей для спасения от теснивших их врагов и для установления порядка. Народ продолжал настаивать на своем: он видел только внешнюю, блестящую сторону царской власти и не понимал ее внутреннего смысла и своих обязанностей к ней. Он не отдавал себе отчета, что для осуществления идеального смысла царской власти требуется огромный духовный подъем не только со стороны царя, но и со стороны народа.

Если царь есть носитель и выразитель духа и совести своего народа и должен стоять на всей высоте религиозных требований народного духа и народной совести, то ведь и народ должен стоять на всей высоте своего религиозного и национального самосознания. Нельзя предъявлять требования к царю, а самому не выполнять их. Только при этом условии и осуществится смысл царской власти - быть носительницей и выразительницей религиозного и нравственного самосознания своего народа, быть его совестью. Без этого условия теряется высокое духовное единство царя и народа, и царская власть превращается в простое высшее административное учреждение, а таковым может быть с большим удобством и с меньшими трудностями обыкновенный совет министров и собрание народных уполномоченных. При утрате основной идеи царской

власти как хранительницы и выразительницы голоса народной совести и Божией правды народу проще, удобнее и дешевле иметь вместо высокой царской власти простых приказчиков и исполнителей народных распоряжений в лице парламентов и ответственных министров. Еврейский народ не понимал исключительного, высокого характера значения царской власти и, пленяясь ее внешним блеском, как ребенок, продолжал добиваться исполнения своего желания. И Господь дал ему царя, который оказался для народа тяжким бременем. Русский народ по традиции православных греков или по своему собственному религиозному чувству и сознанию всегда видел религиозный и нравственный смысл царского самодержавия как носителя, хранителя и сберегателя требований христианской совести. Русская интеллигенция, воспитывавшаяся на западной идеологии, этого чувства совершенно не понимала и не имела. Она смотрела на царя западно-европейскими глазами, как на ответственного чиновника. Русский народ не верил чиновникам, министрам, всегда был готов подозревать их в своекорыстных замыслах, но в царском сердце он не сомневался. Это была удивительная черта русской народной психологии. "Сердце царево в руце Божией", - говорил он словами Священного Писания, чего русская интеллигенция не понимала. И царь чувствовал это отношение к нему народа, и народ был ближе ему, понятнее и роднее интеллигенции. С простым народом русский царь жил одной идеологией. С интеллигенцией у царя не было и не могло быть общего языка, да это и понятно, так как интеллигенция жила отрицанием царя, а не общей с ним жизнью и общим трудом. И нужна была многолетняя революционная пропаганда, многолетнее издевательство над царским званием и положением, изменение народного духа, чтобы в народной душе поколебалась наивная, простая церковная вера в царя, в чутье и непогрешимость царского сердца.

С этой религиозной, мистической, углубленной точки зрения на царскую власть в глазах народа не являлись важными ни возраст царя, ни ум, ни знания, ни таланты. Важны были только чистота и чуткость его царского сердца. Имея такое сердце, царь являлся незаменимым хранителем правды. Рассказы Пушкина, Лескова и других писателей это наглядно нам подтверждают.

Имея чистое и чуткое сердце, царь являлся незаменимым хранителем правды, регулятором работы министров и чиновников, а также решений всенародного представительства. В этом и заключался смысл царского служения. Все названные выше инстанции сознательно или бессознательно могли погрешать. Царское сердце почувствует правду и восстановит ее, иногда совершенно неожиданным и своеобразным способом. Вспомним, например, поступок императора Николая I с французом-парикмахером. И таких случаев было немало в нашей русской истории. И русская литература (Пушкин, Лесков и др.) отметила это. Такова была правда, и таков был смысл русского царского

самодержавия. Русская интеллигенция, выросшая на западной литературе, этого не видела и не понимала. Когда многолетней пропагандой, клеветой, а частью и по вине самих самодержцев было подорвано доверие к царской власти, и царская власть потеряла в глазах народа религиозный и нравственный ореол, ее дальнейшее существование стало невозможным. Никакими внешними способами нельзя было сохранить то, что потеряло внутреннюю ценность. Царская власть не имела смысла как внешняя декорация и она рухнула. В этом было и наше несчастье, и наша общая вина.

Трудности и скорби религиозного пути русской государственности

Мы не имеем возможности обозреть эту тему в сколько-нибудь исчерпывающем объеме, а потому остановим наше внимание лишь на некоторых моментах нашей государственной жизни. Мы уже говорили, что русская церковно-государственная жизнь в своем многовековом прошлом выделила многочисленный ряд людей, русских святых, необычайных по высоте и красоте своего духовного устройства, начиная от святых мучеников Бориса и Глеба и кончая преп. Серафимом Саровским и святителем Иоасафом Белгородским, недавно причисленными русской Церковью к лику святых. Высота и красота их жизни заключается в том, что они упорно и настойчиво отrekliсь от желаний и влечений своей греховной воли и всецело прониклись подчинением святой воле Божией, которая и является в них господствующим и руководящим началом. Они становятся мертвыми для своих греховных влечений и начинают жить жизнью небесной, исполняя слова Господа: "Кто хочет идти за Мною должен отвергнуться себя и взять крест свой и идти за Мною". Это нелегко, но возможно для того, кто решил умереть для себя и жить для Бога, поступая по Божиим заповедям. Мы не будем приводить примеры из жизни святых - они общеизвестны, но остановим наше внимание на людях, жизнь которых была непрерывной и тяжелой борьбой с самим собой, представляла собой цель падений и восстаний, и рассмотрим жизнь трех, в разных отношениях выдающихся и замечательных русских людей, всем хорошо известных, а именно: царя Ивана Васильевича Грозного, Святейшего Патриарха Никона и Великого императора Петра I. Первый из них жил в XVI веке, второй - в XVII веке, а третий - в XVIII веке. Таким образом, примерами из трех столетий русской церковно-государственной жизни мы иллюстрируем нашу тему. Был великий император и в XIX веке - Александр II Николаевич, ознаменовавший свое царствование великими делами и скончавшийся мученически, но для нашей цели достаточно и трех названных нами выше лиц. Все они были люди, глубоко и искренно верующие, но все они не могли отрешиться от своего собственного "я" во имя

безусловного послушания правде Божией, а ведь в этом и заключается весь секрет христианской святости, тот секрет, который знали и которым спасались и преп. Сергей, и преп. Серафим и другие святые. Ни Иван Грозный, ни Патриарх Никон, ни император Петр не имели такой решимости отрешиться всецело от своего "я". Жизнь Ивана Грозного была ярким примером целой жизненной тяжелой религиозной драмы, тяжелых греховных падений и бесчисленных преступлений вместе с постоянным сознанием своей неправоты и виновности. Много горя и зла он причинил и Православной Церкви, и русскому народу, и окружающим его людям, и самому себе. Но будучи величайшим грешником, царь Иван не был безбожником - он каялся и плакал, никогда не принимал на себя роль церковного реформатора, никогда не пользовался Церковью как орудием осуществления своих государственных планов, никогда не пробовал переделывать церковный строй для более удобного его использования в интересах осуществления собственных государственных планов. Это был мученик своих страстей и своей собственной совести.

Сознавая себя величайшим грешником и безбожником, Грозный молился и каялся, заставлял других молиться о себе, подчинялся налагаемым на него эпитимиям, но не мог, а, главное, и не хотел измениться. Этот пример ярко показывает, что христианство совсем не такая простая вещь, как некоторые думают, что оно вовсе не простое собрание догматических или литургических определений, не простой ряд нравственных наставлений, о которых можно спорить или соглашаться и к этому сводить всю сущность занятий христианством. Народ понимал натуру царя Ивана, жалел его, может быть, даже любил его, терпел его безобразия. Он не видел в нем злой воли, а видел скорее бесовскую одержимость или психическую извращенность. Многие, говоря и рассуждая о христианстве, не считают с его практическим характером и относятся к вопросам христианства так же как к вопросам алгебры и геометрии, дающим интересную работу уму и только. Такое отношение к христианству глубоко ошибочно. Оно обнаруживает его полное непонимание. Христианство не такая элементарная вещь, не дело одного только рассудка, одной только логики - оно требует трудной жизненной практики, работы, ломки и новой постройки. Народ понимал натуру царя Ивана, жалел его, терпел его безобразия, потому что в себе самом чувствовал такую же побеждающую силу и власть греха и дьявола. И сам Грозный ясно понимал, что его ожидает праведный суд Божий, смирялся, каялся и плакал, покорно переносил налагаемые на него эпитимии и отлучения, рассылал по монастырям денежные вклады с именами замученных им людей, просил поминать их и его. Грозный не умел, да и не хотел переделывать себя, надеялся на уступчивость духовных отцов и в ней находил себе оправдание. Грозный не имел подлинной обращенности ко Христу, подлинного покаянного чувства - свое "я" с его прихотями стояло у него на первом месте. Но у него не было в то же время ни мысли, ни желания

переделывать в чем-либо и Церковь - он искренно и благоговейно преклонялся перед ней, она была для него неприкосновенной святыней, хотя со служителями ее он не стеснялся распоряжаться и поступать по своему усмотрению или даже по своему капризу.

От царя Ивана перейдем к другому религиозному типу - также очень интересному - к Святейшему Патриарху Никону. Духовное устройство Святейшего Патриарха Никона было прямой противоположностью духовному устройению царя Ивана. Царь Иван был рабом чувственности, страсти. Патриарх Никон был рабом долга, и притом высокого - долга церковного. Он был такой же богато одаренной натурой, как и царь Иван, но не был натурой безвольной. Он умел силой воли и духа отдавать свои исключительные дарования всецело на служение Богу и Церкви. Если в Иоанне его дарования рабствовали его страстям, то в Святейшем Патриархе Никоне они были всецело отданы на служение Богу, хотя и не без пренебрежительного отношения к своим противникам. Мы не скажем, что благодать Божия изливалась через него в его действиях (за исключением, конечно, священнослужения), как это было, например, в словах и действиях преп. Сергия или преп. Серафима. Поэтому, вероятно, Церковь и не причислила его клику святых, хотя этого и желали некоторые архипастыри, преклоняясь перед его великими дарованиями и огромными заслугами перед Церковью. Бог не допустил его прославления, очевидно потому, что это было бы больше делом церковной политики, нежели Божией правды. Отношение Святейшего Патриарха к Церкви всегда было безукоризненным. Она всегда была для него неприкосновенной святыней. Он глубоко почитал священный иераршеский сан. Если Иван Грозный обращался с Церковью, как распустившийся избалованный сын со слабой матерью, а Петр Великий готов был пользоваться Церковью как орудием осуществления своих государственных планов, то для Святейшего Патриарха Никона Церковь всегда была предметом глубокого, благоговейного, бесприкословного сыновнего послушания, хотя он при случае мог и жестоко распорядиться с ней. При своем озорном характере Петр I не всегда умел согласовать собственное уважение к Церкви с безумными капризами своего безудержного нрава. Святейший Патриарх Никон, поднявшийся от убогой крестьянской избы до царских и патриарших палат, поражает нас своими необычайными дарованиями, силой духа и благородством характера. Будучи еще архимандритом в Москве, он обратил на себя внимание царя Алексея Михайловича, сделался его ближайшим другом и собеседником, посредником между царем и московской беднотой. Он еженедельно передавал царю просьбы обездоленных и несправедливо осужденных, являлся их защитником и спасителем. Поразителен его образ действий в Новгороде, где он был уже архиепископом. Во время народного мятежа, вызванного голодом, он не поколебался укрыть в своем доме от бушевавшей толпы новгородского воеводу, устраивал Крестные ходы в наиболее

опасные места города, был избиваем обезумевшей толпой, а на следующий день снова шел с иконами и крестами в то же самое место города, совершал литургию, говорил проповедь, стыдил бунтовщиков и, наконец, не побоялся войти в помещение, где происходило совещание главарей бунта, уговаривая их прекратить буйство. Эта его несокрушимая энергия, мужество и верность архипастырскому долгу справедливо привлекли к нему глубокую признательность царя Алексея и выдвинули его кандидатуру на патриарший престол всея России после кончины прежнего патриарха.

Совершенно несправедливо обвиняют Святейшего Патриарха Никона в возникновении у нас раскола старообрядства. Раскол возник задолго до Никона, с самого начала исправления богослужебных книг и обрядов. Уже тогда, в первые годы XVII века нашлись люди, осуждавшие и не принимавшие церковных исправлений. Это и было началом раскола. А было это первоначальное исправление книг и обрядов еще при Патриархах Иове и Гермогене.

Продолжалось это дело и при последующих патриархах - Филарете и Иосифе, пользовалось одобрением и благословением восточных патриархов, обсуждалось на церковных соборах в Москве и на Востоке, тщательно подготавливалось собиранием и изучением печатных и рукописных источников, а все исправления и изменения одобрялись и утверждались церковными соборами. Никон явился только последним исполнителем сделанной до него работы - и в этом своем положении мог, конечно, погрешить известной настойчивостью и требовательностью, свойственными его характеру. Во всяком случае нет никакого основания приписывать все дело исправления, тянувшееся веками, одному Никону и называть это дело *никонианством*. Суровые меры по отношению к старообрядцам употреблялись не одним Никоном, существовали и до Никона и не им были изобретены. При нем они применялись даже в меньшей степени и с большей осмотрительностью, нежели при некоторых других патриархах. Мы не оправдываем этих мер, хотя они и были в духе времени, но нельзя не считаться и с тем, что выходки старообрядцев против церковных исправлений бывали нередко также возмутительны. Обе стороны проявляли много страстности. Патриарх Никон был одним из наиболее разумных и справедливых противников раскола. Его светлый ум и чувство правды, а также само его крестьянское происхождение, ясно рисовали ему картину происходившего и удерживали от крайности.

Более сурова и настойчива была его борьба с боярами, почитателями западных новшеств. В этом увлечении западными новшествами Патриарх справедливо видел, грядущую на Русскую землю, утрату своей самобытности. И с этими поклонниками западной новизны он действительно поступал иногда довольно сурово, за что и они платили ему немалой ненавистью и обидными выходками. Это не мешало Никону продолжать поступать так, как он считал необходимым.

Сущность Петровского преобразования русской жизни

Приближался роковой момент в истории русской культуры, похожий отчасти на ныне нами переживаемый. Дело Великого Петра не исчерпывалось заимствованиями с Запада технических достижений, что было бы возможно и при сохранении старой русской культуры, как этого хотел и Иван Грозный, и Борис Годунов. В действительности же произошло гораздо более глубокое, сложное и коренное изменение характера самой основы русской государственной и культурной жизни. Петр Великий перевел русскую культуру с ее прежнего византийского, древне-христианского, православно-церковного основания на основание общеевропейское и *светское*. Из *православного царства* Россия превратилась в *светское* европейское государство. Изменилась сама идея, само основание, сам смысл нашего государственного существования. Большевики еще дальше пошли в этом направлении. Но это только так кажется? Большевики пошли не в направлении русской неверующей эсеровской и эсдековской интеллигенции. Они пошли в своем собственном народно-рабочем, но совсем не отрицательном по отношению к религии направлении. Маска безбожия с них все более и более сваливается, ибо для нее у них нет почвы в народе, а они стремятся быть почвенниками, народниками. С приходом большевиков к власти произошло гораздо более глубокое изменение русской государственности, чем то, о каком мечтали эсдеки и эсеры, и они не могут этого простить большевикам. С одной стороны, большевики действительно явились наследниками всех бывших до них революционных движений в русском народе и русском обществе. Но с другой стороны, они не хотят оторваться и от русского народного корня. И отсюда возникает их благожелательное отношение и к религии вообще, и к православию в частности. У большевиков есть у понимание православия, чего нет у наших других революционных партий, начиная от кадет и кончая эсерами и эсдеками. Правда, большевики освободили русский народ от всяких *обязательных* отношений к Церкви. Если при Петре Великом *верность* Церкви из *общегосударственной повинности* превратилась в *личное дело* отдельных граждан, а при большевиках она перестала быть и личным делом, личной их обязанностью, это еще не значит, что она в глазах государства потеряла свое значение. Петр Великий вместо служения *правде Божией* поставил русскому государству другую задачу - разыскивать и использовать для нужд государства существующие на Русской земле естественные народные силы и богатства. Задача была выдвинута правильная и необходимая, но поставлена она была однобоко, в ущерб духовной жизни русского народа. На этой позиции стоят пока и нынешние властители Русской земли. Но не совсем на этой. Уже

существует веяние и более глубокого, правдивого духа. Ничто в сущности не мешало и не мешает совместному осуществлению материальных и духовных задач Русской земли, как это мы видим, например, в наших монастырях, особенно, на Валааме и в других северных обителях. Древние русские правители это понимали. Об этом думали и Иван Грозный, и Борис Годунов. Петр Великий перегнул палку в одну сторону. Можно было, не отказываясь от своего векового сокровища и от своей древней вековой духовной задачи, дополнить всенародную задачу новым делом разработки и использованием необъятных земельных сокровищ. Россия не сумела устоять твердо на своей исторической позиции. Из православного царства, твердо и сознательно хранящего православные традиции, она превратилась в мирское светское государство по образцу западно-европейских государств. В этом заключается коренная ошибка и неправда Петровской реформы и тех, кто ею увлекался и ее продолжал. Из дела Божиего наша государственная жизнь превратилась в дело простого земного благоустройства, в то дело, которое на Западе докатилось до всех ужасов немецкого гитлеризма и от которого спас нас Господь.

Повторяем снова - русское государство не есть государство исключительно военное, промышленное или сельскохозяйственное и т.п., но и не игнорируя все эти стороны народной жизни, оно есть в то же время - хранитель великого духовного сокровища - чистоты и правды Христовой, чистоты, как в теории сознания всенародного, так и на практике, в жизни, в человеческих отношениях. Такой Россия показывала себя всегда и в жизни, и в истории; эту свою миссию она всегда должна помнить и всегда оставаться ей верной. Если она ее забудет или от нее отречется, она ничем не оправдается ни перед людьми, ни перед Богом. Пусть это помнят и принимают во внимание строители и руководители русской государственной жизни. *Без Христа русскому народу не прожить.*

Новые задачи Российской империи Петр Великий напрасно соединил с церковной реформой, опасаясь, по-видимому, противодействия своим планам со стороны патриархов. Произведенная им церковная реформа убила каноническую самостоятельность Церкви и превратила русскую всенародную Церковь в казенное Ведомство православного исповедания, бюрократическое учреждение. Петр Великий упразднил всякую *соборную* самостоятельность, всякую жизненность и придал русской Церкви совершенно несвойственный ни ей, ни русскому народу бюрократический характер. С первых веков христианства Православная Церковь состояла из самостоятельных христианских общин, руководимых апостолами. Эти общины, объединяясь, образовывали церковные епархии, управляемые епископами, митрополитами и патриархами. Таким самостоятельным патриархатом была до Петра Великого и Русская Православная Церковь, жившая своей соборной жизнью, управлявшаяся по своим церковным канонам, идущим от первых веков христианства, от вселенских

и поместных соборов. Такой ее и нужно было оставить, а не переделывать на немецкий лад. По своему характеру, по характеру православия, по характеру русского народа, по правилам Церкви Русская Православная Церковь не могла стать и никогда не стала бы противницей государственной власти, как и древняя христианская Церковь в течение столетий не была противницей государственной власти языческой и христианской Римской империи. Петр Великий не учел этого характера Православной Церкви, да, по-видимому, и не был о нем осведомлен. Во всяком случае он нашел нужным уничтожить самостоятельный строй русской Церкви, подчинил ее государственной власти; как одно из ведомств этой власти, отменил патриаршую власть, ввел церковь в число государственных учреждений и подчинил ее наблюдению и контролю особого государственного чиновника "обер-прокурора Святейшего Синода". Святейший Синод - коллегиальное высшее церковное управление, состоящее из епископов и из лиц белого духовенства по выбору и назначению правительства, заменило власть Патриарха, избиравшегося Всероссийским Церковным Собором. Вся деятельность этого нового высшего церковного учреждения проходила под контролем обер-прокурора. Таким образом, русская Церковь потеряла свой многовековой исторический характер, шедший от первых веков христианства - *соборного* возглавления русского православного верующего народа, и превратилась в бюрократическое учреждение, ведающее, главным образом, назначением и перемещением церковных иерархов и хозяйственными интересами своего ведомства. Соборная жизнь в приходах и епархиях прекратила свое существование и свелась исключительно к единоличному благоделанию православных христиан как отдельных членов Православной Церкви. Идеал *соборного* строительства православно-христианской жизни перестал вдохновлять церковные приходы. Каждый прихожанин стал заботиться только о своем единоличном благочестии. В результате такой постановки церковной жизни в приходах руководящее идеологическое значение в русской духовной жизни отошло от церковных приходов, перешло в другие области русской общественности: к светской литературе, к университетским кафедрам, к журналистике и т.д., и лишь отчасти удержалась в монастырях, в руках монастырских старцев. Идеологическое влияние Церкви на жизнь верующего светского общества и народа ослабело, ослабела возможность бороться с ее нездоровыми явлениями и течениями, в том числе и с нездоровым влиянием Запада, все шире и шире вливающимся в жизнь и в мировоззрение русского образованного общества и народа.

Дальнейшее проникновение к нам западного влияния и противодействие ему русского народного духа

Изменение характера русской культуры, начавшееся еще при Алексее Михайловиче и усилившееся при Петре Великом и его преемниках, не могло не встретить противодействия со стороны вековых духовных традиций русского народа. При Алексее Михайловиче со злом слепого подражания Западу вел борьбу Святейший Патриарх Никон. Но до Петровской эпохи оно не имело таких размеров, какие получило при Петре и после Петра в XVIII и XIX столетиях. И высшие, и низшие классы общества продолжают еще жить общей идеологией и общей психологией, общими идеалами Святой Руси, примерами мучеников и подвижников. Идеалы эти шли от глубокой древности, от Византии, Афона, от житийной и святоотеческой письменности, от святых мучеников, от Христа. Не игнорировались тогда, конечно, и дела практические, хозяйственные, государственные, другие бытовые практические вопросы и интересы. Но над всеми этими вопросами и интересами преобладал и господствовал христианский идеал человеческой личности, завещанный апостолами, мучениками и подвижниками христианского Востока, Афона и собственными русскими подвижниками. С началом Петровской эпохи простой народ, часть высших классов общества и монастыри продолжают оставаться верными этой допетровской идеологии. Другая часть русского общества, захваченная и увлеченная реформой, побывавшая на Западе, получившая там образование, увлеченная тамошним бытом и идеалами, резко повернулась лицом к Западу и стала оттуда заимствовать свои идеалы, свою культуру, свои порядки жизни. Между низшими и высшими классами русского общества появилось идеологическое и бытовое расхождение, различие в понимании цели и смысла жизни, а также и во внешнем ее укладе. Культурные классы все более и более погружались в изучение и усвоение западной культуры и мечтали о том времени, когда русский мужик, по выражению поэта, "не милорда глупого, а Шекспира и Байрона с базара принесет". Они забывали при этом, что ведь и "милорда глупого" русский мужик не на Востоке нашел, а получил его с того же Запада, откуда получили свою литературу и высшие классы русского общества; подлинной же, наследственной, любимой и чтимой русским народом литературой были: жития святого Алексея, человека Божия; святой великомученицы Варвары; преподобной Марии Египетской; святого Филарета Милостивого и других, пришедших к нам с греческого Востока.

Начав свое подражание Западу с внешних светских "учтивств и вежливостей", русское общество перешло к изучению произведений и идей западных философов и святителей XVIII и XIX веков. Мы не говорим, что со всеми этими западными течениями мысли и жизни нам не нужно было знакомиться. Почему не знакомиться? - Но надо было при этом сохранить независимость своей собственной мысли и смотреть на всю эту западную литературу с высоты своей собственной православной идеологии. Ведь и Петр Великий, заимствуя от Запада

его техническую культуру, до конца жизни оставался искренним православным христианином и умер, как православный. Его желанием было вооружить нас техническими средствами и достижениями Запада, а совсем не превратить нас в европейцев по мировоззрению. В сближении с Западом наш культурный класс не сумел устоять на высоте нашей духовной самобытности и таковым же остается и по сей день, в чем и заключается наш роковой национальный недостаток, наша слабость и мягкотелость, наш трех перед Родиной и перед Церковью.

Но все же мы должны сказать, что хлынувшее к нам с Запада движение не встретило у нас совершенно пустого места и безразличного к нему отношения. Против него поднялось широкое и упорное противодействие во всех классах русского общества, которое продолжалось в XVIII, XIX веках.

Подъем духовной жизни в русском обществе и в русском народе в XVIII и XIX веках

Одновременно с широким распространением в высших образованных классах западной светскости и безбожия, а также нездорового западно-европейского мистицизма (откуда же было взяться там здоровому мистицизму?), у нас усиливается в противовес им и здоровое течение духовной жизни, как в высших, так и в низших слоях русского общества, имеющее свои корни в православных традициях русской религиозной жизни, восходящих к преданиям славянских стран, Афона и Византии. Эти два течения вступают в борьбу между собой, и победа оказывается то на той, то на другой стороне. В этом сказывается инстинктивный протест здорового русского религиозного духа против нездорового увлечения западно-европейским рационализмом и материализмом, а также мистицизмом. Святыня православия не перестала господствовать в сознании и в духе коренной массы русского православного народа. Во многих местах не перестали проявляться обнаружения русского православного чувства. С любовью, торжественно совершались многочисленные и многолюдные Крестные ходы с особенно чтимыми чудотворными святыми иконами Божией Матери - Казанской, Владимирской, Тихвинской, Калужской, Горбаневской, Смоленской, Коренной-Курской и др. Монастыри не оскудевали мудрыми старцами и усердными молитвенниками, подвижниками и подвижницами, какими были преп. Серафим Саровский, Парфений Киевский, Амвросий Оптинский, святитель Иоасаф Белгородский, Тихон Задонский, Феодосии Черниговский, Митрофан Воронежский и др. Сотни и тысячи мирян - мужчин и женщин приходили к ним, прося благословения и молитвы, наставления и утешения, исповедуя перед ними грехи свои.

Конечно, все это были проявления индивидуального, единоличного, религиозного чувства и духа, но они охватывали души тысяч людей. Церковь как единое целое потеряла возможность и свободу соборного голоса и молчала, не могла авторитетно высказать своего руководящего слова, осудить темные явления жизни и благословить светлые и радостные. Как на одно из особенных замечательных явлений религиозной жизни русского народа в XVIII, а затем и в XIX веках, нельзя не указать на духовное движение в русских монастырях и в русском народе (во всех его слоях), созданное знаменитым молдавским старцем, уроженцем Полтавы, настоятелем Нямецкого монастыря в Молдавии, архимандритом Паисием Величковским.

Сын полтавского протоиерея, настоятеля Полтавского Собора, воспитанник Киевской Духовной академии, он в ранней юности покинул Академию и родину, преданся странствованию сперва по украинским монастырям, потом по монастырям и скитам молдавским и, наконец, ушел в Афон, где и положил начало собственному братству. С этим братством он перешел потом в Молдавию, где утвердился окончательно в древнем Нямецком Вознесенском монастыре XV века. В монашестве его особенно привлекала к себе внутренняя сторона, внутренний подвиг духовного делания, подвиг молитвы и борьбы с помыслами. Знакомясь с этим внутренним подвигом "умного делания", он перечитал древнюю, христианскую аскетическую литературу, перевел ее на общедоступный язык и стал учить своих учеников "умному деланию". Необходимым условием успешности этого подвига он считал прохождение его под руководством опытного наставника. Пройдя многолетним подвигом "путь" такого делания, проверяя и направляя себя руководством опытных наставников, Паисий, стоя во главе знаменитой Нямецкой Лавры, имея вокруг себя до тысячи преданных учеников, в том числе очень многих выходцев из России, старец занялся переводом на русский язык с греческого трудов древних греческих подвижников, так называемого "Добротолюбия". Старый, больной, слабый, но бодрый духом, он завершал свой труд, лежа в постели, обложенный грамматиками, словарями и сочинениями переводимого автора. Его труды в рукописных списках получили широкое распространение в русских монастырях, где они изучались и переписывались. Большой комплекс его переводов оказался в одном из монастырей Калужской епархии - знаменитой впоследствии Оптиной Пустыни. Сам архимандрит скончался в 1796 году и похоронен в главном Вознесенском храме Нямецкого монастыря, в Молдавии. От старца Паисия, от его литературных трудов и от его духовного подвига началось широкое духовное движение во многих русских монастырях и в русском православном народе всех классов, как высших, так и низших, как образованных, так и необразованных. Паисиевское движение XVIII и XIX веков явилось протестом русской верующей души против религиозного опустошения, шедшего к нам с Запада под обаятельным видом просвещения, возглавляемого громкими именами Вольтера,

Руссо и других западных просветителей. И хотя этот протест русской православной верующей души не принял никакой организованной формы всенародной церковной борьбы с неверием (да и не мог принять за отсутствием у нас организованной церковной соборности) и совершался без определенного плана усилиями не Церкви, а отдельных лиц, все же он не остался бесплодным и не потерял своего значения для русского общества и народа, как в XVIII, так еще более в XIX столетиях, когда переводы старца Паисия были изданы Оптиной Пустыней. Паисиевская литература и все его движение явилось протестом не только против рационалистического безбожия, известного у нас в то время под именем вольтерианства, но и против нездорового ложномистического и пиетистического, хлыстовского и скопческого движения конца XVIII и начала XIX веков, которое в те годы многих привлекало к себе, как противовес атеистической пустоты вольтерианства. Паисиевское движение было больше значимо и тем более ценно, что оно имело свои корни в родных и близких русскому сердцу Афонских и Византийских традициях преп. Нила Сорского, преп. Максима Грека и их учеников. В предпринятом Оптиной Пустыней издании трудов старца Паисия и древних православных подвижников приняли живое участие выдающиеся иерархи Церкви и русские ученые. Митрополит Филарет Московский даже сам просматривал печатаемый текст и делал поправки. Митрополит Киевский с любовью следил за изданием и давал руководящие указания. Непосредственное участие в трудах издательства принимали профессора Московской Духовной академии, прот. Голубинский, профессор Московского университета Шевырев, а также известные литературные деятели - братья Киреевские, имение которых находилось по соседству с Оптиной Пустыней. В их деревенском доме и положено было начало издательству: приехал к ним из Оптиной Пустыни старец иеросхимонах Макарий и, помолившись в их доме, написал предисловие к книге преп. Исаака Сирина. С началом этого издательства в 40-х годах XIX столетия и с развитием в Оптиной Пустыни "Старчества" по преданию и заветам старца архим. Паисия, с появлением в Оптиной Пустыни трех ее знаменитых старцев - иеросхимонаха Льва (Леонида), иеросхимонаха Макария, иеросхимонаха Амвросия (изображенного Достоевским в "Братьях Карамазовых" под именем старца Зосимы), знаменитых оптинских настоятелей, архимандритов Моисея и Исаакия, сама Оптина Пустынь получила широкую известность.

Со всех сторон потянулись к ней люди разного общественного положения, от простых крестьян и крестьянок до знаменитых писателей и ученых, желавших повидать старцев, получить их благословение и услышать их мудрое слово, растворенное лаской и шуткой. Оптина Пустынь на десятки лет стала средоточием широкого православного духовного движения. И это имело огромное воспитательное значение в деле воцерковления наших образованных

классов и их сближения с традициями Русской Православной Церкви. В Оптину съезжались и профессора высших учебных заведений, и наши известнейшие писатели, философы и публицисты - Н. В. Гоголь, братья Киреевские, проф. Шевырев, Аксаковы, гр. Алексей Толстой, гр. Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, вел. кн. Константин Константинович, В. В. Розанов, митрополит Иоанникий и многие другие известные духовные и светские писатели, простые люди. Под влиянием оптинских старцев оживилась, приняла новый характер, широко развилась жизнь и деятельность женских монастырей, руководимых старцами. Старец Макарий, как и Леонид, был духовником многих женских монастырей. Под руководством старца Амвросия возникла и возросла знаменитая Шамординская Казанская женская обитель, в которой он и скончался в 1891 году. Устроительницей и первой настоятельницей обители была известная своими трудами и подвигами схимонахиня София (из известного рода Болотовых), брат которой отец Даниил был иеромонахом Оптиной Пустыни. Он был известен как иконописец. При игумений Софии в Шамордине возникли приют и школа для девочек, больница и богадельня для престарелых, больных и слабых, иконописная мастерская, золотарня и типография для печатания листков и книг духовного содержания, находившаяся в заведывании и под руководством одной из сестер с университетским образованием. В те же приблизительно годы возник в западном крае известный Лесненский женский монастырь под управлением игумений Екатерины (графини Ефимовской) с таким же молитвенно-просветительным характером, как и Шамордино, а в Москве возникла обитель великой княгини Елизаветы Федоровны.

Большой известностью пользовался в Москве, среди университетской интеллигенции духовник Гефсиманского скита Троице-Сергиевской Лавры игумен Герман, а среди лаврских богомольцев - духовник Черниговского скита, старец Варнава, напоминавший своим характером оптинского старца Амвросия. В Москве был широко известен протоиерей отец Валентин Амфитеатров, по мнению многих - второй отец Иоанн Кронштадский. А что же сказать о самом отце Иоанне, слава которого как молитвенника и чудотворца проникла даже за пределы Русской земли. Да что говорить об отце Иоанне, когда и иеросхимонах Оптиной Пустыни отец Амвросий вел переписку с инославными по разным волновавшим их вопросам духовной жизни. О самом отце Иоанне Кронштадском мы могли бы много рассказать по своим личным воспоминаниям, но едва ли есть в этом нужда, так хорошо он всем известен и без наших воспоминаний, хотя я ему обязан и благословением на брак, и благословением на священство. Так расцветала и ширилась духовная христианская жизнь нашей Родины в конце XIX и начале XX столетий.

Здесь, кстати, уместно будет рассказать и о замечательном опыте Православного трудового крестовоздвиженского братства, основанного помещиком

Черниговской губернии, Глуховского уезда Николаем Николаевичем Неплюевым в его имении, недалеко от местечка Янполь, на хуторе Воздвиженском. Этот опыт настолько интересен, и я сам, автор этих строк, так близко стоял к нему, что не могу не рассказать о нем подробнее. Николай Николаевич Неплюев был единственным сыном богатого землевладельца и губернского предводителя дворянства Черниговской губернии, Николая Ивановича Неплюева. Отец предназначал ему дипломатическую карьеру. Но судьба решила вопрос иначе. Окончив университет, Н. Н. Неплюев некоторое время служил в одном из наших маленьких посольств в Германии. Светская жизнь и дипломатическая карьера не привлекали его. Однажды, возвратившись домой с придворного бала в особенно угнетенном состоянии духа, Неплюев заснул тяжелым сном. И вот, ему снится, будто он находится в своем Черниговском имении, из которого он был увезен полугодовалым ребенком и с тех пор в него не возвращался; сидит в крестьянской хате, в толпе крестьянских мальчиков и читает им Евангелие. В окне он видит местную приходскую церковь и священника, идущего от церкви к его избе. Этот сон привел его в светлое, радостное настроение и повторялся совершенно одинаково три ночи подряд [1]. Неплюев понял этот сон как Божие указание своей дальнейшей судьбы и деятельности, решил бросить дипломатическую службу, переехать на жительство в деревню и заняться, по примеру С. А. Рачинского, христианским воспитанием крестьянских ребят. Отец не противился его намерению. Неплюев приехал в Черниговское имение, Янполь, где у него был собственный барский дом, нанял в селе крестьянскую избу, стал собирать там крестьянских ребят-мальчиков и рассказывать им евангельскую историю, дела, притчи и чудеса Господа. Он собирал ребят и в своем барском доме, занимал их музыкой и рассказывал о своей жизни за границей, о своих путешествиях, а также о России. Своим евангельским беседам с детьми он сразу придал практический характер: это были не простые пересказы евангельской истории, а уроки практической христианской жизни. Все беседы направлялись к главной цели - каким должен быть христианин и какова должна быть его христианская жизнь. Из тех мальчиков, которые понимали его и готовы были жить по евангельским заповедям, он образовал два кружка - младший и старший: младшие были распределены между старшими, которые сделались ближайшими помощниками Неплюева по воспитанию младших, воспитываясь при этом и сами. У старшего была своя группа младших, ему порученных, с которыми он вел работу под наблюдением и руководством Неплюева. Сам Неплюев вел отдельные беседы с младшими и отдельные беседы со старшими, а также общие беседы с теми и другими, притом не только религиозного характера, но и общеобразовательного. Он много рассказывал им о своих путешествиях по разным местам Европы и о ее достопримечательностях, занимал мальчиков музыкой, приучал их любить и понимать ее, знакомил с русской и иностранной поэзией и прозой. Вместе с мальчиками Неплюев в своем саду на хуторе Воздвиженском насыпал земляную

горку в память любимого поэта А. С. Хомякова, многие стихотворения которого он переложил на музыку, и их пела одна из его сестер, получившая специальное музыкальное образование. Из более или менее шумного Янполя Неплюев переселился в уединенный Воздвиженский хутор, где и положил основание двум специальным сельскохозяйственным школам - для мальчиков и для девочек. Преподавателями в школе сначала были приглашенные со стороны специалисты, а потом собственные воспитанники, выдержавшие специальные экзамены в казенных школах.

К Николаю Николаевичу переехала на постоянное жительство одна из его сестер, которая и приняла на себя заведывание женской школой. Тогда же была выстроена на хуторе церковь во имя Воздвижения Честного Креста Господня, и мне, автору настоящих строк, пришлось быть первым настоятелем и законоучителем обеих школ, куда меня направил, по окончании мной Московской Духовной академии, ректор - архимандрит Антоний Храповицкий. Когда я, по окончании курса, приехал в Чернигов принимать священство, то некоторые старики-священники, узнав куда я назначаюсь, качали головами и вздыхая говорили: "Боже мой, Боже мой", но я не придавал этим вздохам никакого значения. С течением времени и преподавательские должности в школах, и хозяйственные должности по хутору стали замещаться оканчивающими школу воспитанниками и воспитанницами, из которых составилось официально утвержденное Трудовое крестовоздвиженское братство, устав которого был утвержден соответствующими властями, как духовными, так и гражданскими. Братство было принято под Высочайшее покровительство государыни императрицы Александры Федоровны. Во главе Братства стояла Дума, возглавляемая Неплюевым. Члены Думы в парадных случаях надевали на себя небольшие серебряные крестики на серебряных цепочках, а сам Неплюев - золотой крестик с бриллиантовой звездочкой в центре. Шли разговоры, что вся земля Крестовоздвиженского хутора (который был около 6000 десятин) отойдет в собственность

Трудового братства. Идея Неплюева и ее осуществление стали широко известны в русском обществе и за границей и многих заинтересовали; отовсюду приезжали знакомиться с его опытом. В печати появлялись разнообразные отзывы о нем, как благоприятные, так и отрицательные. Известный молодежный писатель проф. Н. П. Вагнер напечатал о нем восторженный отзыв, если не ошибаюсь в журнале "Неделя", под заглавием "Оазис в пустыне". Сотрудник "Нового времени" Меньшиков, наоборот, дал о нем в своей газете крайне резкий отрицательный отзыв. Интересовались делом Неплюева и сектанты, но их отталкивал его церковный характер. По некоторым вопросам произошло расхождение и между нами, и я предпочел уйти в обычный церковный приход, а потом, по слабости здоровья, на законоучительство в среднюю школу. Братство

пережило революцию, и его представители участвовали во Всероссийском Церковном Соборе 1917 года. С приходом к власти Советов Братство было закрыто правительством за ненадобностью, в виду его несоответствия идеологии большевизма.

Мы рассказали об опыте Неплюева как об интересной попытке христианизации русской общественности на лоне православия, как о практическом разрешении вопроса о православно-христианской общественности. Самому же Н. Н. Неплюеву как искреннему и самоотверженному христианскому работнику в лоне Православной Церкви, да будет вечная благодарная память.

Все вышеизложенное написано нами на основании личного знакомства с Н. Н. Неплюевым и непосредственного участия в его работе.

* * *

Во второй половине XIX века широкую издательскую деятельность предприняла Троице-Сергиевская Лавра в лице своего энергичного казначея, архимандрита Никона, в миллионах экземпляров распространившего по всей России свои знаменитые "Троицкие листки" и более крупные издания. Его примеру в менее широких масштабах следовали другие издательства, например, фирма Тузова, редакция "Русского паломника", редакция "Душеполезного чтения", редакция "Кормчего" и т.д. Обращала на себя внимание издательская деятельность (научно-богословская) Михаила Александровича Новосела и его друзей. Журналы "Русский паломник", "Кормчий", "Душеполезное чтение", академические журналы, харьковский журнал "Вера и разум", "Отдых христианина" и проч. имели свой круг читателей. Но вся эта литературно-просветительная работа русских монастырей, духовных академий и семинарий, отдельных лиц и частных фирм была лишь проявлением частной инициативы, и это было, конечно, очень ценно, но это не был авторитетный голос Всероссийской Церкви, в ее соборном обнаружении. Всероссийская Церковь как единое целое себя не проявляла и не имела возможности себя проявить за отсутствием церковных соборов, а потому не могла с достаточным авторитетом, силой и успехом влиять на русскую общественную жизнь и бороться с темными явлениями и течениями русской церковной, общественной жизни. А таковых было у нас немало и в жизни, и в литературе, и в зрелищах. Русская Церковь как бы боялась, робела, не решалась подняться во весь свой рост и заговорить от имени всего русского верующего народа и его вековых церковных традиций по заветам и преданию святых апостолов и мучеников, Святых Вселенских Соборов и русского церковного прошлого, хотя Синод как приемник Святейшего Патриарха Всероссийского и имел на это полное и бесспорное право; имел власть авторитетно осудить все темные стороны и явления русской церковной и

общественной жизни. Синод проявил в этом случае печальное малодушие.

* * *

Приведенные примеры церковной самодеятельности показывают, что в народном сознании в XIX веке уже все более и более начинало пробуждаться сознательное отношение к своей христианской жизни, к сознательному и правильному ее устройству. Самый рост сектантства, хотя и был уродливым явлением, свидетельствовал о том же. О том же свидетельствовали и такие церковные торжества, привлекавшие десятки и сотни тысяч участников со всех концов православной России, как открытие Святых мощей и прославление памяти святителя Феодосия Черниговского, преп. Серафима Саровского, святителя Иоасафа Белгородского, 500-летие памяти преп. Сергия Радонежского, привлекавшие богомольцев со всех концов Русской земли. Эти торжества естественно пробуждали в умах и сердцах их участников сознание того, какой должна быть наша церковная христианская жизнь. Недостаточно только преклоняться перед святостью праведников и просить их молитв и помощи, но надо и самим по их примеру и завету облагораживать и свою личную, и свою общественную жизнь, изгонять из нее все уродливое - пьянство, порнографические зрелища и подобную литературу. Если в этом деле оказывался бессильным голос отдельных иерархов Церкви или даже самого Святейшего Синода, то надо было прибегнуть к голосу и авторитету Всероссийского Церковного Собора как выразителя всероссийского православного сознания. Не полицейские должны были следить за благообразием нашей литературы и наших зрелищ, а наше собственное всенародное христианское самосознание и чувство. Все это особенно ясно проявилось, когда открылся Всероссийский Церковный Собор 1917 года. В нем почувствовалась та здоровая и могучая народная нравственная сила, которая могла оздоровить и очистить нашу общественную атмосферу от нравственной грязи и порчи. И стало особенно грустно и жалко, что в течение десятилетий и столетий мы пренебрегали и не пользовались этой нравственно оздоравливающей нашу общественность духовной силой.

Только такими соборами во всероссийском масштабе и можно было осознавать и преодолевать всякое возникавшее на нашей земле духовное и общественное зло. Очевидно, нам нужно было пройти сквозь предстоявшие нам испытания.

Если бы Всероссийские Церковные Соборы, как орган нашего всероссийского христианского самосознания, устраивались у нас постоянно (как им положено быть по правилам Церкви, а не по усмотрению государственной власти), то картина русской общественности приняла бы иной вид: все темные пятна русской общественности были бы перед глазами, и появилась бы возможность

организовать во всероссийском масштабе планомерную борьбу с темными явлениями нашей жизни средствами и силами самого верующего общества. И задача, и работа эта остались нерассмотренными и неосуществленными.

1. Этот рассказ мы слышали от самого Н.Н. Неплюева непосредственно [△](#)

Православная жизнь христианская не есть только единоличная жизнь, но и жизнь соборная: семейная, приходская, епархиальная и всенародная

Православная христианская жизнь не есть только жизнь единоличная, хотя, прежде всего, она осуществляется в душе и в жизни отдельного человека, в его мыслях, чувствах и действиях. Но одного этого недостаточно. Не только в *индивидуальном* спасении заключается цель и смысл христианской жизни. Христос пришел связать во едино и *христианскую семью*, и христианскую общину (церковный приход), объединяющуюся около своего приходского храма и его -настоятеля; *церковную епархию*, объединяющуюся около своего епископа, и, наконец, *поместную Церковь* (у нас всероссийскую), объединяющуюся вокруг своего общего главы, *митрополита или патриарха*. Православная христианская жизнь должна иметь право на существование и в православной семье, и в православном церковном приходе, и в православных епархиях, и во всей русской поместной Церкви совершенно независимо от ее связи с государством, которая может существовать в той или иной форме, может и не существовать. Никто не имеет права посягать на свободу веры православного христианина не только в ее единоличных проявлениях, в молитве, в посещении храма Божия, в чтении слова Божия, в делах милосердия, но и в коллективном, соборном ее осуществлении в церковном приходе, в епархии и проч.

Неправильно ограничивать само понятие "церковь" пределами храма, т.е. здания для молитвенных собраний, или "церковной иерархии", выделяя и обособляя иерархию от всей массы верующего народа. Все верующие православные люди, духовенство и миряне в совокупности составляют единую, святую соборную и апостольскую Православную Церковь, неразрывно связанную с Церковью Небесной. Понимать Церковь исключительно как *состав духовенства*, т.е. в клерикальном смысле, составляет глубокую и вредную ошибку. От этой ошибки нас предостерегают и вселенские православные патриархи, когда утверждают, что не одна только церковная иерархия, а весь *церковный народ* является хранителем православной веры и христианской жизни. Поэтому на всем русском православном народе, а не на одном только духовенстве, лежит ответственность

за здоровое течение церковной жизни, за ее верность апостольскому и отеческому преданию, примерам и заветам мучеников и постановления Вселенских Соборов.

Считать Церковь состоящей из одного только духовенства, это значило бы не понимать самого ее существа, как Тела Христова. Как в теле человека каждая его часть имеет свое место и назначение, так и в Церкви Христовой каждый ее член имеет свое место и назначение, и на каждом из них лежит ответственность и забота о правильном течении церковной жизни. Заботясь о том, чтобы в своей собственной личной, жизни быть верным последователем Христа и исполнителем Его заповедей, православный человек должен распространять эту заботу и на свою собственную семью, которая по Апостолу является малой церковью Христовой. В апостольских посланиях он найдет все необходимые указания, какой должна быть жизнь христианской семьи, отношения между мужем и женой, между родителями и детьми, чтобы семья была действительно малой Церковью Христовой, и чтобы жил в ней Господь. После семьи, следующей более крупной единицей церковной жизни, является церковный приход, группирующийся около своего приходского храма. Все члены церковного прихода составляют также одно духовное тело. Все они тесно связаны общей молитвой, храмом, богослужением, принятием Святых Таинств и должны чувствовать себя членами одной семьи, одного тела, в котором, по слову Апостола, "членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова - ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, а которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения, и неблагообразные наши более благовидно покрываются, а благообразные наши не имеют в том нужды. Посему страдает ли один член, страдают с ним все члены, славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы тело Христово, а порознь члены" (1 Поел. Кор. XII 20-24).

Таковыми словами Апостол говорит о Коринфской Церкви, но Коринфская Церковь того времени, это то же самое, что наш нынешний церковный приход, так что слова Апостола вполне применимы к любому нашему церковному приходу и показывают, какова должна быть его внутренняя жизнь и взаимные отношения его членов. На всех прихожанах лежит одна и та же обязанность - заботиться вместе со своими пастырями о сохранении в чистоте и неповрежденности древнего апостольского и святоотеческого православного предания и христианской жизни.

Из союза церковных приходов составляется в наше время высшая церковная единица - епархия, возглавляемая не священником, а епископом. В епархиях та же самая задача - сохранение веры и жизни христианской - осуществляется и

поддерживается уже не священником, а епископом при содействии собирающихся епархиальных съездов духовенства и мирян.

По всей же русской Церкви вопросы общественной русской жизни рассматриваются и разрешаются Всероссийским Церковным Собором, подобным Московскому Собору 1917 года. Такой общерусский Церковный Собор должен был бы собираться каждое трехлетие или четырехлетие, а в случае надобности и чаще. На всех этих епархиальных съездах и всероссийских соборах главным предметом обсуждения и внимания должна быть забота о сохранении в чистоте православного христианского самосознания, забота о чистоте веры и жизни христианской в соответствии с заветами Христа Спасителя и Его апостолов. Если мы так определим нашу православную церковную задачу (а без этого можем ли мы носить имя православных христиан?) и свяжем ее с примерами, заветами и опытом православной древности, то мы и создадим несокрушимый церковный оплот нашей всенародной христианской жизни, около которой мирно, правильно, светло и радостно расположится вся наша личная, общественная и государственная жизнь, а также жизнь всех других народностей, и всех других религиозных исповеданий, существующих в пределах русского государства; и Христос будет сиять в нашей жизни, освещать и согревать ее, как наше общее Солнце.

Такова задача, всегда стоявшая и теперь стоящая перед русским православным народом и его духовными руководителями, особенно теперь, когда истекает первая тысяча лет от его встречи со Христом (988-1988) Не нужно смущаться продолжительностью сроков и колебаться уверенностью в исполнимости стоящей перед нами задачи; эта задача не есть задача времени - столетий или тысячелетий, это есть *вечная*, неизменная задача христианского человечества - сохранить Христа в сердце нашем, а, следовательно, и в жизни нашей.

Ею мы должны жить и ею спасаться. В ней заключается и смысл, и цель, и радость жизни всех верующих во Христа и Его Евангелие.

Правильная постановка религиозной жизни русского народа не может быть осуществлена без усилий самого верующего народа

Мы получили Церковный Собор только тогда, когда вся Россия была уже охвачена пламенем революции и начался ее всеобщий развал. Несколько столетий мы жили без Церковного Собора. Никакой Собор не мог уже тогда овладеть положением, и сам был увлечен революционным движением. И все-таки Всероссийский Церковный Собор был созван не случайно и специально

таки Всероссийский церковный Собор был созван не напрасно и сделал многое. Он выяснил ошибки прошлого и указал, что надо было сделать раньше. Он восстановил патриаршество как средоточие духовной жизни русского народа православного и как выразителя русского православного самосознания. Многие важные постановления Собора (например, разделение патриаршества на митрополичьи округа) по обстоятельствам революционного времени не получили практического осуществления. Сама повседневная жизнь Церкви в ее самых элементарных проявлениях, например, обучение детей Закону Божию, правильное повседневное богослужение было нарушено. Перед православным народом, религиозное самосознание которого оживилось под влиянием Собора, возник ряд важных основных вопросов религиозной и церковной жизни, не получивших разрешения за недостатком времени и благоприятных условий. Мы не только не осуждаем, но от всего сердца приветствуем колоссальный государственный, социальный и хозяйственный труд советской власти, обеспечивший русскому народу его славную победу над ворвавшимся на Русскую землю хищником и опустошителем. Весь этот труд был необходим и своевременен в интересах общегосударственной жизни русского народа, и мы его от всей души горячо приветствуем и верим, что наступит момент для правильного устройства духовной жизни русского народа, но всему свое время и очередь. Советская власть выполнила с огромным успехом стоявшие перед ней государственные, социальные и хозяйственные задачи народов, составляющих единое русское государство. И теперь нужно ожидать, что скоро наступит момент, когда русскому православному народу будет предоставлена свобода устроить и свою церковную жизнь согласно соборным правилам Православной Церкви. Говоря о том, что религиозный вопрос православных русских людей может быть разрешен только самим верующим народом, мы, конечно, не имели в виду каких-либо насильственных действий со стороны верующих. Нам не оставили такого примера древние христиане. Мы только утверждаем, что верующий православный народ не может смотреть на себя, как на беспорядочную, неорганизованную толпу отдельных верующих людей. Русский православный верующий народ составляет стройный церковный организм, ведущий свое происхождение от первых веков христианства, от апостолов и мучеников, от самого Христа Спасителя и имеющий свои вековые церковные законы и правила. Так важно понимать русскую Церковь и русское государство, независимо от религиозных воззрений самих правителей государства. В том и заключается свобода совести, чтобы верующие смогли свободно жить по правилам своей веры, а не по усмотрению правителей государства. На православном русском народе и на его пастырях лежит общая ответственная обязанность беречь и хранить свою православную веру во Христа, свою православную церковную организацию с ее учением и богослужением, с ее святынями, таинствами и храмами; свою святыню отстаивать и защищать всеми достойными способами по примеру древних христиан, апостолов и мучеников,

как в отдельных церковных приходах, так и в целых епархиях, во всем объеме всероссийской Церкви, не прибегая ни к какому насилию, претерпевая, если придется, все неприятности и препятствия, вражду, злобу, насмешники, глумления, насилие и преследование со стороны противников веры и ее гонителей. Этот страдальческий путь отстаивания своей религиозной свободы не будет новостью для Православной Церкви - он ей присущ от первых веков христианства. Ей приходилось идти этим путем и при язычниках, и при еретиках, и при магометанах, и теперь - при безбожниках. Придется идти тем же мученическим путем и в последующие времена, при антихристе и других врагах и гонителях веры. "В мире скорби будете, - сказал Господь своим ученикам. - Но дерзайте: аз победих мир".

Первые христиане, не прибегая к оружию *триста лет* отстаивали свое право веровать во Христа и жить по своей вере и, в конце концов, получили свободу веры. Русский народ еще борется за свою веру и 30 лет [1] не освоился еще с приемами и способами отстаивать свое право на нее. Господь поможет ему.

Кто-нибудь скажет, что мы говорим вещи общеизвестные и примитивные. Не спорим. Но что же можно сказать другое? Время идет. Русская молодежь вырастает в безбожии [2], отвыкает молиться, посещать церковные службы; вырастает в ложных понятиях о мире, о жизни, привыкает к этому, не может подняться на высоту христианского понимания мира и жизни; начинает считать безверие, отчужденность от Христа, от храма, от таинств, от молитвы явлением нормальным, привычным, естественным. Разве это допустимо для молодежи христианской? Кем станут впоследствии эти молодые люди? Кем вместе с ними станет и весь православный русский народ? Служителями Христа или сторонниками антихриста? Да и вся Русская земля - чем она явится в будущем? Можно не видеть зла в перемене государственного строя Русской земли. Всему свое время и место. Царское самодержавие выполнило свою историческую задачу - собрало и объединило необъятную Русскую землю. Война 1914-1917 годов ясно показала его внутреннюю слабость. Нынешняя война, напротив, обнаружила внутреннюю, победоносную силу новой России. Перед ней стоит дальнейшая задача - утвердить вековое и историческое православное самоопределение - свой духовный стержень и центр, и на нем основать свою дальнейшую государственную жизнь. Необходимо продолжение Церковного Собора 1917 года, который утвердит и осуществит при свободе веры свободу церковных съездов и Соборов, соборное христианское строительство жизни, свободу христианского воспитания детей и юношества, свободу религиозного печатного слова, свободу церковных съездов, свободу религиозной проповеди. Не силой оружия, не заговорами и восстаниями, не государственными переворотами утверждается Христова вера - она утверждается ее бестрепетным исповеданием. Не следует унывать, если усилия в этом направлении окажутся

неудачными. В другое время, при других обстоятельствах они увенчаются успехом. Скажут - предоставляя свободу одному вероисповеданию, необходимо предоставить ее и другим. Несомненно. Но свобода исповедания еще не есть свобода пропаганды. Предоставляя верующим свободу вероисповедания, можно не давать им свободу миссионерства. Не силой оружия, не государственными мерами утверждается и распространяется вера - она утверждается ее бестрепетным исповеданием. Это единственный верный путь защиты и распространения своей веры, осуществленный первыми христианами, остающийся правильным и для нашего времени. Христианин должен всегда быть самим собой - и это будет лучший и самый верный путь миссионерства. Одна мученица в первые века христианства, от которой потребовали хотя бы притворного отказа от Христа, указала на стоявший на столе глиняный сосуд с водой и сказала: "Можете ли вы изменить форму этого глиняного сосуда, не ломая его? - Так и я, пока жива, не могу быть никем другим, как только христианкой". Таким должен быть и каждый христианин, а тем более православный нашего времени. И тем более, конечно, сами пастыри и архипастыри.

1. Написано в 1946 году [^](#)
2. Наши встречи с русской военной молодежью во время второй мировой войны и беседы с ней заставляют нас изменить это мнение [^](#)

Православный русский народ и партия большевиков

У многих возникает совершенно естественный и понятный вопрос - как мог православный русский народ, живший 1000 лет со Христом, воспринявший глубоко в свою душу образ Христа, как величайшую святыню (и это не риторическая фраза, а подлинная действительность, подтверждаемая жизнью таких людей, как Антоний и Феодосии Печерские, Иоанн Многострадальный, Сергей Радонежский, Стефан Пермский, Засима и Савватий Соловецкие, Трифон Печенгский, Амвросий Оптинский, Парфений Киевский, Серафим Саровский), вырастивший и в мирской жизни тысячи и миллионы подлинных праведников (см., например, "Жизнеописания отечественных подвижников", собранные епископом Никодимом Белгородским, или художественные изображения, данные нам Лесковым, Л. Н. Толстым ("Хозяин и работник"), Тургеневым ("Живые мощи"), Достоевским ("Старец Зосима", "Алеша Карамазов"), Гаршиным ("Сигнал") и т.д.), создавший столько славных и знаменитых иноческих обителей, столь преданный своим православным праздникам и обычаям. Как мог этот народ ужиться с властью безбожной,

поставившей своей первой задачей искоренить в русском народе все, что напоминает о Боге, о Христе, о будущей жизни, и терпеливо выносить все глумления над православными святынями, над мощами святых, разрушение церквей и монастырей, уничтожение священных церковных книг и икон, обезбоживание молодежи и проч.? Чем объяснить такую пассивность верующего православного русского народа, еще так недавно в таком огромном числе сходящегося со всех концов России на открытие Святых Мощей преп. Серафима Саровского или святителя Иоасафа Белгородского? Неужели все его многовековое православие было у него чем-то вынужденным, притворным, напускным? Не думаем... Вообще, русский народ не выносит ничего напускного, показного, притворного. Он многое готов перетерпеть из боязни обнаружить фальшивые чувства. И даже настоящие свои чувства он готов скрыть, чтобы их не посчитали за фальшивые. Но вместе с тем русская душа очень сложна, в ней многое уживается: добро со злом, святость с развращенностью, как об этом свидетельствует тот же Достоевский, да и другие. Не сочувствуя большевикам в одном отношении, народ сочувствовал им в другом, например, во вражде к "господам", а также в их заботах о трудящихся классах; мог не желать возвращения старой власти, и даже не столько "царя", сколько "господ", стоявших между царем и народом - помещиков и чиновников. Несправедливо было бы утверждать и то, будто русский народ принял советскую власть совершенно пассивно. Он видел ее неправоту во многих отношениях и, в особенности, ее религиозную неправоту, три года боролся с большевиками, поддерживая добровольческое движение и считая его более законным, нежели большевизм, а может быть, не надеясь на его окончательный успех. Без народного сочувствия и поддержки добровольцы не имели бы такого значительного успеха. Ведь вся Южная Россия и значительная часть Центральной, Запад и Сибирь находились в руках добровольцев. На Севере генерал Миллер успешно боролся с большевиками. Поворот произошел, главным образом, по вине самих добровольцев, не сумевших сохранить добрые отношения с народом и злоупотреблявших своей властью. Благодаря их ошибкам большевикам удалось справиться с трудным положением и перейти в контрнаступление.

Но оставим прошлое и перейдем к настоящему. Мы замечаем странное и интересное явление. Под влиянием страшной мировой войны у большевиков стал выдыхаться их интернационализм: началась национализация большевизма. Психология большевиков стала меняться в сторону национализма. Это стало заметно еще в 1938-1939 годах. Нельзя было не увидеть в этом отрадного явления. Большевики стали, по-видимому, сознавать, что их интернациональная позиция не совпадает с народной психологией, оказывается чужда и не понятна русскому национальному чувству. Мы не обвиняем их в неискренности. Но их

психология стала меняться. Они почувствовали или, может быть, перестали скрывать, что их интернационализм, привезенный с Запада, чужд русскому народу, не приемлется русской душой, и постепенно сами стали переходить на почву русского здорового национализма. Уже в 30-х годах большевики стали прославлять русских народных героев - Суворова, Кутузова, Нахимова... Невозможно было вырвать из русской души чувства, воспитанные в ней историей. Начались речи о любви к Родине, о защите Родины, и лозунги интернационализма стали замалчиваться, вопреки тому что мы слышали еще в 20-х годах. Послышались речи о любви к Родине, о защите Родины, началось все большее и большее прославление и превозношение русских национальных героев. За именами Суворова и Кутузова слышались имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Нахимова и Корнилова. Тяжкая война с немецкими захватчиками особенно содействовала перемене большевистской психологии. Иностранец в большевистском возглавлении как-то сам собой стушеввался. Сталин? Но какой же он иностранец? Он - грузин. Грузия - на пятьсот лет православнее России. Учился он в православной семинарии; его мать - православная, пользовалась общей любовью и уважением. Он вырос в православной атмосфере. Когда началась Великая Отечественная война, все больше стали слышаться русские фамилии командующих (не то было в 1917-1918 годах). Явился орден имени Суворова, а ведь Суворов - какой же он интернационалист? Все это происходило у всех на глазах и было очевидно. Русская земля явно национализируется. Интернациональные лозунги стушеввались. И государственный гимн уже не тот. Родина все больше и больше выступает на первое место. Русский народ борется уже не за торжество интернационализма, а за свою родную землю, которую он не хочет отдавать захватчикам. Война пробудила и усилила процесс восстановления русского национального самосознания. Значит ли это, что большевики меняются, что нынешняя советская власть перестала быть интернациональной, а превратилась в русское, народное национальное правительство? Предоставим судить об этом тем, кто ближе нас стоит к ней. Мы же всему этому радуемся - коммунизм, видимо, отступает перед русским национальным сознанием и даже не перед русским, а перед всероссийским и всенародным государственным сознанием, создающимся из совокупности отдельных национальных сознаний. В этом заключается огромное всенародное значение минувшей войны для русского народа и русского государства. Русский народ сумел отстоять свое национальное достоинство и выгнал непрошеного гостя за пределы своего государства. Недаром сами большевики называют настоящую войну *отечественной* - она такова и есть - все народы русской земли она связала единым чувством общей любви к великому отечеству.

Критический момент в жизни русского народа

Мы еще раз утверждаем, что православная вера имеет право на существование в русском государстве, какой бы властью это государство не управляло. Не государственной власти, принадлежит право избирать для народа религиозный или безбожный путь. Если тысячу лет тому назад этот вопрос могла решать за народ его тогдашняя государственная власть, то теперь уже другое время - сам народ может решить, быть ему верующим или неверующим и как ему жить по своей вере. Правители государства не всегда могут правильно усмотреть и указать народу путь к его духовной жизни. И там, где уже существуют организованные религиозные общества, между ними и государством должны установиться правильные взаимные отношения. Но какое же соглашение, какие общие действия и общая духовная жизнь *могут существовать* между Церковью, верующей в Пресвятую Троицу и во Христа, Сына Божия, Искупителя и Спасителя человеческого рода, и между Государством, отвергающим эту веру, как пустое, глупое и вредное суеверие [1]? Конечно, никакого соглашения не может быть, а может быть только одна непрерывная борьба, как это и было в древней Римской империи, пока во главе империи не утвердилась власть, верующая в Единого Бога и во Христа. Иначе не может быть и в русском государстве. Или безбожная власть должна стать христианской, или православный русский народ должен отказаться от своей православной веры. Может *безбожное* правительство предоставить *верующему* народу свободу религиозной жизни по законам и обычаям его веры? - Конечно, нет. - Может ли *верующий* народ *перестать* верить во Христа, в Бога и жить по учению и правилам своей веры? - Тоже, конечно, нет. Отсюда для верующего русского народа остается единственный путь жизни - путь мученичества и страдания за веру, тот путь, которым триста лет шли первые христиане. Иного выхода нет: или со Христом, или против Христа.

Нынешний самоотверженный подвиг русского народа в его великой и тяжелой борьбе за Родину показал, что русский народ не утратил ни любви к Родине, ни мужества, ни готовности жертвенно служить своему отечеству и умирать за него. Разве он этим своим подвигом не заслужил право свободно веровать в Бога и во Христа, жить по правилам и обычаям своей веры и воспитывать в этих правилах своих детей? Государственная власть не имеет никакого разумного основания стеснять религиозную свободу русского народа. И русский народ как народ верующий должен, конечно, решительно и твердо заявить свое право на религиозную свободу, не прибегая к насилию по примеру древних христиан, которые составляли, по свидетельству тогдашнего христианского писателя Тертуллиана, уже в III веке большинство в Сенате, и *даже в армии* терпеливо переносили все насилия государственной власти.

Если наши предки, старообрядцы, при царях готовы были *за одну букву*

богослужбных книг идти на страдания и смерть, в ссылку и на костер, то как же православному русскому народу не принять на себя всевозможные трудности, когда дело идет о сохранении самой веры христианской, православной. Ведь, может быть, сейчас уже наступает тот роковой час открыто исповедать свою православную веру в Бога и во Христа, о неизбежном наступлении которого предупреждал своих апостолов, а вместе с ними и нас всех, православных христиан, Господь Иисус Христос?

1. Опыт минувшей войны показал, однако, что могут существовать - Православная Церковь и безбожное государство смогли совместно заботиться как о пострадавших от войны людях и зданиях, так и о средствах обороны и самозащиты. Их связала общая любовь к Родине, общая борьба с захватчиками. На этой почве возможен и дальнейший рост взаимного единения и сотрудничества [^](#)

Большевистский вопрос есть прежде всего и главным образом вопрос религиозный

Большевистский вопрос, по существу своему, по своей глубине, есть прежде всего вопрос *религии*, то есть *определяющий положение человека во Вселенной*. Большевики имеют свою веру. Их вера заключается в безбожии, в атеизме. Они веруют, что Бога нет. Между большевиками и верующим русским народом особенное разногласие заключается в том, как жить - по заповедям ли Божиим, или по усмотрению человеческому? По правилам ли Церкви или по человеческим соображениям? Со Христом или без Христа? В Церкви или без Церкви? Признавши Бога, нельзя не признать и Христа как Его сына и Посланника. Признавши Христа, нельзя не признать и Церкви как Его установление. "Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолею". Бог без Христа - отвлеченность. И Христос без Церкви - тоже отвлеченность. Бог, Христос и Церковь неотделимы, неразрывны. Вера в Бога, во Христа и в Церковь помогла русскому народу создать великое государство. Вера в Бога, во Христа и в Церковь помогла русскому народу выдержать последнюю страшную войну. Держась за русский народ, за Родину, большевики, в сущности, держатся за Бога, за Христа, за Церковь.

Русский народ, несмотря на все невероятные трудности и тяжести последней войны, не упал духом и победоносно выдержал ее, потому что внутренне опирался на Бога, на Христа, на Церковь. В этом заключалась его духовная сила. В 17-м году он разбежался с фронта, чего и теперь многие ожидали; но русский народ, жертвуя миллионами своих детей, неся огромные материальные потери,

упорно и успешно, преодолев врага, вытеснил его за пределы родной земли [1], хотя этот враг по своему упорству и по обеспечению армии не имел равного в мире. Эта перемена русской психологии по сравнению с 17-м годом свидетельствует, что русский народ за истекшие 25 лет успел глубоко измениться и почувствовать себя ответственным хозяином Русской земли. Если у него появилось такое чувство ответственности за свою землю, то ему нужно почувствовать такую же ответственность за неприкосновенность своих религиозных верований, за свое православие, не остаться с пустотой в душе и отстаивать свою тысячелетнюю веру с такой же сознательностью и твердостью, с какими он отстаивает свою землю. Он должен решать вопрос своей жизни во всей полноте, а не в одной только материальной, хозяйственной его части. Он должен его решать и в области духовной, т.е. религиозной. Для откладывания этого решения, и тем более для безразличного отношения к делу веры не должно быть места, так же как и к вопросу о спасении Родины. Русский народ должен определенно и твердо решить как он хочет жить - с Богом или без Бога, со Христом или без Христа, со святыми или без святых, с молитвой или без молитвы? Для откладывания этого вопроса нет возможности. Этот вопрос стоит теперь не перед одним только русским народом, он стоит перед всем человечеством и все более более обостряется. Приближаются сроки, указанные Словом Божиим, когда все человечество должно будет определить и перед своей совестью, и перед Богом, со Христом ли он хочет жить, или без Христа, или против Христа - с Антихристом, с дьяволом. Сроки приближаются. Нельзя закрывать глаза на будущее. Наступает время решения последней судьбы мира и человека, предуказанные Христом и апостолами, а еще раньше - пророками. Мир идет к своему predetermined концу. Первый, допотопный мир погиб от воды. Нынешнему миру предсказана гибель от огня. И разве это предсказание уже не исполняется? Разве мир уже не горит? Разве не готовятся средства и способы к еще большему его горению. Кончине мира должно предшествовать разделение человечества на два лагеря - и разве эти два лагеря уже не обозначились: царство Христа и царство Антихриста? Дьявол собирает все свои силы, напрягает весь свой ум для предстоящей решительной борьбы с Богом.

Вы сомневаетесь в существовании дьявола - оно вам представляется остатком средневековых предрассудков? Но разве вам известны все таинственные глубины мироздания? Ведь вы знаете только самый незначительный, поверхностный уголок мира, да и тот - весьма неопределенно. Не будьте легкомысленны в своих суждениях и заключениях о тайнах и глубинах мировой жизни. Борьба будет исходить, конечно, не от Бога. Зачем Богу бороться со своим созданием, которого Он мог и не создавать? Бог может, конечно, и уничтожить дьявола, но разве для того он дал ему жизнь и свободу, чтобы уничтожить его? Бог ожидает от дьявола покаяния и смирения. И то и другое находится в руках дьявола. Гибель

дьявола зависит не от Бога, а от самого дьявола, от его упорства во зле. Все это глубоко таинственно и ужасно. Борьба будет исходить от дьявола, в безумном ослеплении гордости поднявшегося на своего Творца, не ради победы, которой, он прекрасно знает, не может быть, а ради гордости и самолюбования борьбы со своим Создателем. В этом же будут находить свое удовлетворение и его сторонники: вот мы какие - смотрите на нас. И люди и ангелы, увлеченные дьяволом, будут ясно сознавать бесплодность своей борьбы с Богом, но отойти от дьявола уже не захотят из гордости. Создается ужасное положение. Вместо простой, ясной и радостной правды Христовой, столь легко и понятно осуществляемой, люди будут добиваться правды мнимой, фантастической, воображаемой, по обольщению дьявола, приводящей к тоске и мучению. Итак, не будем закрывать глаза: основным вопросом жизни является вопрос правильного отношения к Богу и Христу. Все другие вопросы современной жизни, социальные, национальные, политические и т.д. получают правильное освещение и разрешение не иначе как на основе правильного отношения ко Христу, т.е. решаются ли они со Христом или без Него. Итак, с кем же свяжет себя русский народ при будущем разрешении всех стоящих перед ним вопросов - будет ли он разрешать их со Христом в сердце или без Христа? По своим традициям, по заветам своих великих праведников и молитвенников ясно, казалось бы, что русский народ должен был бы идти вместе с ними одним путем - вслед со Христом.

Но темна, загадочна и полна внутренних противоречий душа русского человека, как это отметил Достоевский. Любимое и ценимое добро русский человек может по какому-то капризу отвергнуть, а ненавидимое зло, по капризу же, предпочесть любимому и ценимому добру. Не таковы ли были в свое время Разин и Пугачев. Не по вражде к добру русский человек предпочтет ему зло, а по какому-то болезненному капризу ради того, чтобы не показаться праведником в глазах людей. Любя Христа, веруя в Бога, русский человек пойдет не за ними, а назло себе - за дьяволом и антихристом по какому-то странному, мучительному, тяжелому, но неотвратимому капризу болезненной воли, назло самому себе, назло всему доброму и светлomu, чтобы *мучить* себя, показать *независимость* своего характера, своей воли, своих действий. Вся эта болезненная русская психология глубоко была понята и изображена Достоевским. Горе, горе нам от этих болезненных изломов нашей души, не умеющей твердо и последовательно идти с любимым добром и правдой за Христом и Богом, всегда мечтающей изобразить нечто особенное и небывалое, всегда живущей между двумя безднами - бездной неба и бездной ада.

Сами большевики предпочтут, конечно, идти с антихристом, который пленит их своим ученым и техническим авторитетом, в котором они будут видеть своего великого вождя, представителя нового, просвещенного, передового человечества.

(Вспомним, например, антихриста, изображенного в "Трех разговорах" В. С. Соловьева, который есть только жалкое подобие будущего антихриста). Обезбоживая жизнь, уничтожая в ней все, напоминающее о Христе, располагающее любить Его, почитать, идти за Ним; издеваясь над христианством и православием, как над пережитками темной, глупой, отжившей эпохи, как над остатками былого невежества и суеверия, выставляя из человеческого сердца благоговейное чувство к Богу, ко Христу, к святым мученикам и подвижникам, стремясь превратить русский народ в стадо цивилизованных животных, большевики несомненно уже и теперь сознательно или бессознательно подготавливают на Русской земле плацдарм для выступления и действий антихриста, со всеми его многомиллионными сотрудниками для предстоящей окончательной победы над Христом. Дьявол не может не знать исхода борьбы, но гордость никогда не позволит ему признать свою ошибку, смириться перед Богом, уступить. В этом "уступить" и заключается вся сущность борьбы, исходящей из гордости. Если бы он это сделал, то погубил бы весь воображаемый смысл своего существования. Изменить создавшееся положение вещей и спасти Русскую землю от готовящейся участи ничто не может. Страшные и потрясающие события будущего, о которых говорит Апокалипсис, охватывающие все человечество, не могут найти для себя более подходящего места на земле, как бесконечные просторы Русской земли, стоящей в центре всех народов, населяющих землю, и могущей все их вместить на своей территории. В других местах земного шара тесно, неудобно разыгрываться последним событиям мировой драмы, да и нет там исторически подготовленной почвы - там все уже переполнено другими историческими событиями. Россия европейская и азиатская, в совокупности - единственное место на земном шаре, могущее вместить в себе на едином сплошном пространстве все человечество, все народы земли, со всей их разнообразной культурой, цивилизацией и традициями. Россия - узел мира. А Европа - только часть этого узла, один из его завитков. В русском необъятном просторе - и физическом и духовном - всем и всему найдется место в те грядущие и, может быть, сравнительно недалекие времена, так ярко, образно, таинственно и потрясающе изображенные в откровении святого Иоанна Богослова. Ошибаются те, кто считают написанное в Апокалипсисе плодом болезненной фантазии. Разве слова откровения о саранче с железными крыльями и с человеческими головами, извергающей на землю из своих хвостов огонь и серу, не осуществляются уже в наши дни. Или другие слова о том, что люди будут искать убежище и спасения от смерти под землей, прятаться в пещерах и потаенных местах, не исполняются? А ужасы атомных бомб?! Мы с удивительной беспечностью относимся ко всем этим явлениям и предсказаниям, ко всем грядущим ужасам, видя - не видим и слыша - не слышим. Но ведь и эта наша слепота и глухота также уже были предсказаны.

Неизвестность срока всеобщей мировой катастрофы, хотя признаки ее и указаны

По многим признакам мы уже приближаемся к временам апокалипсическим, может быть, даже уже вошли в них.

Но хотя мы и приближаемся к ним, никому из нас не дано знать время наступления конца мировой истории, ибо этот конец всецело зависит от воли Божией: от Бога зависит приблизить и отдалить времена и сроки грядущих событий. У нас нет никакого основания думать, что кончины мира не будет, кроме простой привычки к непрерывному существованию. Если мы признаем *начало мира*, то почему же мы сомневаемся, что может наступить и его конец? "Все великое, земное разлетается как дым: нынче жребий выпал Трое, завтра выпадет другим". А придет время, жребий выпадет и всей Вселенной [1]. Препятствий к этому ни с какой стороны не предвидится. И хотя нам не известен срок мировой катастрофы, признаки ее приближения все же нам указаны и они исполняются. И если исполняются признаки приближения кончины, то нет никакого основания сомневаться, что придет и сама кончина. Когда придет - это другой вопрос, и этого мы знать не можем. От Божиего усмотрения зависит приблизить или отдалить мировую катастрофу.

События мировой жизни назревают и совершаются медленно, с остановками, с задержками, с отсрочками. Иначе и быть не может. Жизнь - слишком сложная вещь, чтобы ее можно было вытянуть в одну прямую нитку, в ряд определенных и последовательных событий. Эта сложность жизни зависит от многих обстоятельств: от сложности души человеческой, неустойчивой в своих планах и решениях, мятущейся туда и сюда; от сложности человеческих взаимоотношений и от неизвестности воли Божией, от изменчивости Божиего решения. В конце концов, от воли Божией зависит приблизить или отдалить сроки грядущих событий, а иногда даже и отменить уже решенные Богом события, как об этом повествует библейская история, например, общеизвестный рассказ об отмене Богом уже назначенной гибели Ниневии.

"И встал Иона и пошел в Ниневию по слову Господню. Ниневия же была - город великий у Бога, на три дня ходьбы. И начал Иона ходить по городу, сколько можно пройти в один день, и проповедывал, говоря: „Еще сто дней и Ниневия будет разрушена". И поверили ниневитяне Богу, и объявили пост, и оделись во вретисце от большого из них до малого. Это слово дошло до царя Ниневии, и он встал с престола своего, и снял с себя царское облачение свое, и оделся во

вретище, и сел на пепле. И повелел провозгласить и сказать в Невевии от имени царя и вельмо его, чтобы ни люди, ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели, не ходили на пастбище и воды не пили. И чтобы покрыты были вретищем люди и скот, и крепко вопияли к Богу, и чтобы каждый обратился от злого пути своего и от насилия рук своих. Кто знает, может быть, Бог еще умиласердится и отвратит от нас пылающий гнев свой, и мы не погибнем. И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них и не навел" (кн. прор. Иона III). Подобное же было с Содомом и Гоморрой, которых Бог обещал помиловать и не губить, если там найдется хотя бы десять праведников.

У пророка Иезекииля Бог говорил израильскому народу: "Когда я скажу праведнику, что он будет жив, а он понадеется на свою праведность и сделает неправду, то все праведные дела его не помянутся, и он умрет от неправды своей, какую он сделал. - А когда скажу беззаконнику, - ты смертью умрешь, и он обратится от грехов своих и будет творить суд и правду, если этот беззаконник возвратит залог, за похищенное заплатит, будет ходить по законам жизни, не делая ничего худого, то он будет жив, не умрет. Ни один из грехов его, какие он сделал, не помянут ему: он стал творить суд и правду, он будет жив" (Иезек. XXXIII 13-16).

Из этих слов пророка Иезекииля видно, что у Бога нет никаких неизменных, бесповоротно принятых решений. Решения Бога изменяются в зависимости от перемены в поведении людей. Поэтому и последний всемирный суд люди могут и приблизить и отдалить, отдалить - покоянием, приблизить - упорством в злых делах своих.

Из этого видно, что сроки Страшного Суда Божия имеют условный характер. Поэтому Господь и сказал: "О дне же том и часе никто не знает, даже и Сын, а знает только Отец мой небесный". Этим отличается не всеведение Сына, а зависимость последнего решения от Отца.

1. Лица, читавшие нашу рукопись, указывали нам, что три дальнейших главы не имеют прямого отношения к основному содержанию и без ущерба могли бы быть опущены. Я не мог согласиться с этим мнением, так как думаю, что и образ наших мыслей, и образ нашей жизни не могут не зависеть от того, как мы представляем себе конец нашей жизни и наше будущее, посмертное существование. И, может быть, в наши дни более чем когда бы то ни было полезно остановить внимание на той будущей нашей судьбе, которую раскрывает нам откровение [△](#)

О признаках второго пришествия Господа Иисуса

Христа и их значение

Отрицая с насмешкой и глумлением ожидание верующими кончины мира, неверующие говорят: "Кончину мира христиане ожидают со времен апостольских [1], а она все не приходит, мир как стоял, так и продолжает стоять до наших дней". Этому замечанию нельзя придавать серьезного значения. Из того, что кто-нибудь из нас прожил благополучно, скажем 60 лет, совсем не следует, что он проживет благополучно и 61-й год.

Признаки кончины мира указывались не только в апостольские времена, но и самим Господом Иисусом Христом. Но само время кончины никем не указывалось. По признакам кончины мы можем судить о неизбежности кончины, но не о сроке ее. Значение признаков заключается не в том, чтобы определять срок кончины, а в том, чтобы быть уверенным в ее неизбежности. Срок кончины зависит от воли Божией и может быть приближаем и отдаляем. Признаки кончины мира даются нам для того, чтобы мы не сомневались в ее наступлении. Как исполнились признаки кончины, так придет и само исполнение кончины, но они не связаны друг с другом механически, как это видно из примера ниневитян или Содома и Гоморры. Между появившимся признаком кончины и наступлением самой кончины может пройти неопределенный срок, в зависимости от усмотрения Божия и от состояния человечества, как это и было с ниневитянами. Они покались, и назначенная им казнь была отменена. Признаки кончины мира указываются Богом для того, чтобы в людях жила и не угасала уверенность в ее неизбежности. Признаки кончины были и во времена апостолов и во времена самого Господа Иисуса Христа. "Не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий". Но в каком смысле придет? И разве разрушение Иерусалима и храма Иерусалимского, еще при земной жизни апостолов, не было указанием крушения мира, которое придет так же неизбежно, как и крушение храма Иерусалима.

Иудейская война превратила Иудею в пустыню, и сотни тысяч иудеев погибли и были проданы в рабство. Разве это не было началом суда Божия не только над иудейством, но и над человечеством? "Если не покаетесь, все также погибнете". По слову Спасителя суд над человечеством начался с дома Божия. Никто не может знать момента, когда исполнится полнота терпения Божия и когда окончится предел Его милосердию. Но из этого нельзя заключать и то, что этого предела не будет. В течение веков не перестают быть откровения и другие признаки пришествия Христова. Евангелие все шире и шире распространяется по земле, но никто никогда не может сказать, что признаки второго пришествия исчерпаны, и тем более что пришел конец милосердию Божию, что дальнейшей отсрочки всемирного суда Божия не будет. Пример ниневитян всегда должен

напоминать нам о беспредельности милосердия Божия. Не нам судить о временах и сроках, какие Господь положит в своей власти. Но нам нужно всегда помнить слова Божий: "Итак будьте всегда готовы, ибо в какой час не ведаете, Сын Человеческий придет".

1. Это совершенно справедливо [^](#)

Тысячелетнее Царство Христово

Тысячелетнее Царство Христово, о котором говорит Откровение св. Иоанна, есть не только Царство Христово, но царство христиан (Откр. XX. 4) относили и относят к разным моментам в истории христианского человечества, из которых каждый, действительно, охватывает тысячу лет. Таких периодов в истории христианского человечества усматривают три, не считая того последнего, который описывается в Апокалипсисе. Первым таким периодом является время от Апостольского Собора (54-й г. по Р.Х.) до отделения Западной Церкви в 1054 г. В течение этого 1000-летия вся христианская Церковь, от Испании до Греции, составляла единое нераздельное Царство Христово, собиралась на общих вселенских соборах, уяснила и установила на них все основные догматы христианской веры, составила православный Символ Веры, утвердила на все времена свое православное догматическое самосознание. Этот период времени, по всей справедливости, заслуживает наименования "1000-летнего Царства Христова". И хотя Церковь в эти годы подвергалась особенно жестоким гонениям со стороны язычников и раздиралась ересями, но оставалась единой и непоколебимой в своем православно-христианском самосознании, которое она утвердила на своих семи Вселенских Соборах. Есть и другой период в истории Православной Церкви, менее определенный, но заслуживающий наименования "1000-летнего Царства Христова на земле". Это - эпоха Византийской империи от Константина Великого, основателя Византии в 325 году до завоевания Константинополя Магометом II в 1453 году. Этот период времени превышает 1000 лет приблизительно на 120 лет. Наконец, третье 1000-летнее Царство Христово на земле, от крещения русского народа (988 год) до падения Русской империи в 1917 году. Оно не дожило до 1000 лет почти на 70 лет. Во все эти периоды времени именем Христовым освещались и возглавлялись идеология и жизнь целых народов христианских. Господь трижды осуществлял на земле апокалипсическое пророчество, как бы подтверждая этим нерушимость Божиих определений. Нельзя, однако, сказать, чтобы христиане с должным вниманием относились к этим предупреждениям. Впрочем, старые русские книжники их понимали, помнили и говорили: "Первый Рим - Ветхий Рим; второй Рим - Византия; третий Рим - Москва, а четвертому - не бывать". Так оно и вышло. В настоящее время, с падением Русской православной империи, не осталось на

земле ни одного такого огромного, сознающего себя коллектива православия, какими были три предыдущих. Существуют, правда, и теперь православные народы и государства - Греция, Сербия, Румыния, Болгария, но ни одно из них не считает себя, да и не может считать по своей незначительности, выразителем общецерковного православного самосознания, никто из них не претендует на такое свое значение и назначение. Их голоса никто в мире не станет принимать во внимание, никто не будет с ними считаться. Те же коллективы, с голосом которого считаются, не станут говорить о Христе. О Христе и Христовой правде мы теперь не услышим ни от Англии, ни от Америки. У них у всех, если и есть свои слова, то во всяком случае не слова Христовой правды. Земля потеряла свое не только православное, но и просто христианское лицо. Безмолвствуют и святейшие патриархи и митрополиты. Невольно думается, что человечество вступило в беспросветную мглу грядущего царства антихриста. Светлый и святой лик Христа, сиявший в мире, как знамя вечной правды, померк в сознании человечества. Люди стали жить иными идеалами. Человечество вступило в беспросветную мглу грядущего царства антихриста. Жутко и страшно становится жить на земле среди этого современного ада злобы, ненависти, насилия и взаимного истребления так называемого "культурного человечества". Да воздаст ему Господь по делам его.

Откуда придет спасение Русской земли

Вопрос, который мы ставим, не является политическим, национальным, социальным. Не эти вопросы привлекают наше внимание. Их мы предоставляем более компетентным людям. Мы же ставим вопрос *религиозный* - ставим его в положительной форме, в форме *положительного ответа*. С кем мы? С Богом или с дьяволом? Со Христом или с антихристом? Или ни с тем, ни с другим? Этот именно вопрос мы выделяем из всех остальных вопросов современной жизни, так как считаем его основным, от разрешения которого, правильного или неправильного, зависит то или иное разрешение всех остальных волнующих современное человечество и народ вопросов.

Без правильного жизненного отношения к Богу и Христу невозможно разрешение ни одного из всех важных вопросов человеческой жизни. В этом и заключается основное заблуждение современного человечества, что оно пытается обойтись без Христа, пытается разрешить вторичные вопросы жизни, обойти молчанием, игнорируя и даже пренебрегая основным вопросом жизни - могу ли я жить, не имея правильного отношения ко Христу, к Богу и к Святому Духу, а затем к Божией Матери и к святым. Русская интеллигенция, вступившая на путь западной культуры, никогда не стояла в этом вопросе на твердом

основании русской национальной, традиционной, православной культуры. Лучше сказать она не интересовалась вопросом о связи русской культуры с церковной культурой, с традициями Православной Церкви. В ее сознании всегда переплетались и путались идеи, шедшие с Запада, о западной мысли - политике, философии, социальной теории с собственными партийными идеями и догадками. При таком запутанном, иногда даже хаотическом, отчужденном от русских корней, русской традиции состоянии своих мыслей и понятий, могла ли русская интеллигенция XVIII и XIX веков, не в состоянии внутри себя прийти к единству, делящаяся на спорящие между собой течения и группы, указать единый путь и притом путь *Христовой правды* русскому народу, тем более что этот путь был ближе и известнее самому народу, нежели образованной интеллигенции? О, если бы русская интеллигенция горела в те времена духом Христовой веры, духом Александра Невского и Дмитрия Донского, духом преп. Серафима и Тихона Задонских, духом Суворова и Кутузова, которым теперь вдохновляется Советская Армия, она повела бы за собой русский народ. Но этого не было. У нее были другие идеалы и другие учителя. Не она ли, русская интеллигенция, в лице своих профессоров, писателей и публицистов, вносила в XVIII и XIX веках систематическое разложение в самосознание русского общества, университетской молодежи, русского народа и русских рабочих и этим подготовила тот хаос понятий, на который потом сама стала жаловаться? И, конечно, не русской интеллигенции, одряхлевшей в своих бесплодных умствованиях и партийных распрях, было по силам выполнить Труднейшую задачу - духовно возглавить русский народ. Ее песня оказалась спетой, и ей пришлось искать спасения за рубежом, в чужих странах и там допевать свои песни, для которых в России уже не оказалось слушателей. Невыполненное ею выполнит другая, которая войдет и уже выходит из недр самого народа, идет по стопам Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова: русская, народная, верующая, советская интеллигенция. Мы ее уже видели в армии, она существует. Она есть среди солдат, среди молодых военных девушек. Старой русской интеллигенции, интеллигенции Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Михайловского идет на смену верующая, русская, советская интеллигенция, интеллигенция Нахимова и Корнилова, сильная верой и любовью к Родине, а не интернациональными идеалами; та интеллигенция, которая вместе с верующим народом спасла Родину от немецкого вторжения. Она выходит из глубины народного духа, из глубины народных недр и готовится создать новую, верующую, полную горячей любви к Родине, сильную духом, могучую, непобедимую родную землю. Говоря это, мы не осуждаем и старую русскую интеллигенцию - она исполнила в свое время свое дело. Разве мы можем забыть Белинского, Чернышевского, Писарева, Добролюбова; народников - Златовратского, Левитова; Глеба Успенского, Решетникова, Гаршина, Михайловского и других? Конечно, не можем, не можем не помнить и не любить. И все-таки не этой старой интеллигенции, не ее складу, не ее типу

принадлежит русское будущее. В ней нет главного - *крепкого духовного стержня*, нет православной основы Александра Невского, Суворова, Кутузова, Нахимова, того, что было в Сергии Радонежском, в Патриархе Гермогене - пламенной любви к Родине и к православной вере. В этом заключается особенность исторического момента, этим определяется будущий путь Русской земли. Безбожие потеряет ореол мнимой научности. Пастер и Пирогов снимут с него эту маску.

С разных концов необъятной Русской земли, из глубины сибирских и печорских лесов, из дебрей Кавказа, от Северной Двины и Ладожского озера, от устьев Енисея и Оби придут сильные духом и верой русские советские люди, будут жить и работать на пользу и во славу родной Русской земли. Ничему хорошему на Русской земле православная вера не помешает. Невероятно, если бы русский народ, проживший тысячу лет со Христом, имеющий во всех концах земли столько великих тружеников Христовых, вдруг выбросил бы Христа из своей жизни и из своего сердца, удовлетворился бы пустым и мертвым материализмом. Никогда этого не будет. Это противно всякому здравому смыслу. Этого ни матери, ни жены, ни сестры не допустят. Не внешней силой, не содействием иностранных штыков (ничтожество которых хорошо известно русскому народу), а внутренней силой своего верующего духа, русский народ отстоит и сохранит свое право веровать во Христа, в Божию Матерь, в святителя Николая, в преп. Сергия и во всех святых, молиться им и жить по святым заповедям Евангелия, как того требует совесть. Не от благоволения государственной власти, а от воли и твердости верующего народа сохранится его христианская вера и право жить по ее закону. Вера - не чехол, который надевается и снимается по требованию и усмотрению начальства, а внутреннее горение духа, которое рождается в человеке от Бога и Им же в нем поддерживается и сохраняется.

1. Это не вопрос, а ответ [^](#)

Божий Покров над Русской землей

Теперь часто приходится слышать слова, что закончившаяся война есть *вторая* отечественная война русского народа, а *первой* будто бы была война 1812 года с Наполеоном. Это совсем не так. Отечественные войны мы начали вести с XIII века, и все они были для нас успешны. Такой прежде всего была в XIII веке борьба Александра Невского со шведами и немцами за неприкосновенность восточного побережья Балтийского моря, ознаменовавшаяся победами русского оружия в Эстонии и в устье реки Невы. Такой была в XIV веке борьба вел. кн. Дмитрия Донского с татарами, закончившаяся разгромом мамаевых полчищ на Куликовом поле. В XV веке милостью Божией Матери Русская земля была чудесным образом спасена от страшного истребления Тохтаемидом, Москвитиница

чудесным образом спасена от страшного нашествия Тамерлана. Москвичи на коленях встретили святую икону Богородицы, плакали и молились: "Пресвятая Богородица, спаси Землю русскую". Тамерлан, по неизвестной причине, повернул фронт и ушел обратно в Азию.

В том же XV веке, при царе Иване III, России снова угрожало татарское разорение с Юга. Вооруженные силы стояли одна против другой на берегах речки Угры. Дело закончилось совершенным освобождением от татарского ига без кровопролития. В XVI веке, при Иване Грозном, были покорены последние татарские царства - Казанское, Астраханское и Сибирское; Русская земля окончательно освободилась от врага, 300 лет угрожавшего ей с Востока.

С XVII века опять начинаются натиски с Запада. В смутное время поляки захватили Москву и укрепились в ней. Спасение пришло снова от горячего молитвенного подъема духа - из Троице-Сергиевской Лавры. Вдохновленные ее воззваниями и воззваниями Святейшего Патриарха Гермогена, сидевшего в тесном заключении в Кремле, русские люди очистили от врагов, пришедших с Запада, Кремль, Москву и Россию.

В начале XVIII века, при Петре Великом, шведы захватили Украину и дошли до Полтавы. И снова милостью Божией и Покровом Божией Матери враг с позором был изгнан за пределы Русской земли. В чудных стихах наш великий поэт А. С. Пушкин описал знаменитую Полтавскую битву.

Наконец, в начале XIX столетия, Наполеон во главе всей вооруженной Европы дошел до самого сердца Русской земли и водворился в Московском Кремле, но милостью Божией с великим позором вынужден был бежать оттуда. Этот момент истории описан другим нашим великим поэтом М. Ю. Лермонтовым. Все это были победы не только русского народа, русского оружия. Нечем нам хвалиться. Это были великие дела помощи Божией, что и было отмечено на выпущенных по этому случаю медалях словами из Священного Писания: "Не нам, не нам, а имени Твоему воздадим хвалу". И вот сейчас. Страшнейший враг, нахлынувший с Запада с целью ограбить нас и разорить, изгнан с величайшим для него позором. Как же „не сказать: "Слава Богу, помиловавшему нас еще раз". Все эти поразительные события истории не могут не говорить нам о существовании особого промысла Божия над нашей Русской землей. Господь посылает ей тяжкие испытания, но Господь же посылает ей и спасение, чтобы она не забывала Бога, хранящего ее. Видимо, Господь хранит ее для какой-то великой цели и великого будущего, которые откроются в свое время. Все совершается по какому-то определенному плану и порядку. Нет ничего случайного в истории нашей земли. Она проходит определенный, намеченный ей путь, смысл которого откроется в свое время. И этот смысл может быть и

положительным и отрицательным. Это покажет будущее. Сам большевизм, утвердившийся на нашей земле, может послужить и тому и другому. То, зачем гнались наши интеллигенты, пришло к ним в лице большевиков, от которых они убежали за границу говоря: "Мы не этого ожидали". Да, мы не этого ожидали, но Господь все устраивает так, как нужно. Очевидно, русскому народу надо пройти и через большевизм, чтобы по-новому и с новым сознанием всем вместе вернуться к Богу.

Все наше прошлое ясно показывает, какой спасительной силой была всегда для нас христианско-православная вера, наша жизнь со Христом в Церкви. И это значение Церкви сказывалось не только в храмах и проповедях, не только в монастырях, но и в повседневной будничной жизни. Приведем пример. В XIV веке, когда жил преподобный Сергий Радонежский, один из полоцких князей спрашивал Тверского епископа Симеона: "Где быть тиунам, судьям нашим на том свете?" Епископ отвечал: "Там же, где и князьям". - "Как так, - удивился князь, - тиун неправо судит, берет взятки, делает зло, а я что делаю?" Епископ отвечал: "Если князь добр, милует народ, для того выбирает и начальника доброго, богобоязненного, умного и правдолюбивого, то и князь будет в раю и тиун будет с ним. Если же князь живет без страха Божия, не милует христиан, властелина ставит злого, нерассудительного, лишь бы тот добывал ему куны (деньги), пускает его, как голодного пса на падаль, губит людей, то и князь будет в аду и тиун его будет там же".

Этот разговор князя с епископом, при всей обыденности и кажущейся незначительности, полон глубокого содержания и значения. Такими краткими, случайными беседами воспитывалась народная совесть. Такие беседы представляют собой явление однородное со всероссийским подвигом преп. Сергия. То, что у преп. Сергия, которого посещали сотни и тысячи людей, совершалось во всенародном масштабе, то здесь совершается в объеме незначительной домашней беседы. Но такие домашние беседы в православном русском народе, во всех его углах и слоях, от князя до крестьянина, и в мире и в монастырях, и в храмах и на дому происходили десятки и сотни тысяч при всякой интимной встрече пастыря с пасомыми. Неужели же это происходило бесследно? Конечно, нет. Так совершалось христианское просвещение русского народного духа.

И таким образом, независимо от церковных проповедей, у преп. Сергия, у заурядных батюшек, у православных епископов, в простых домашних или церковных беседах совершалось одно общее Божие дело - всенародная воля, в лице каждого отдельного православного христианина; направлялась к одной общей цели - познанию воли Божией, к готовности исполнять ее, к согласованию личной индивидуальной воли и жизни с правдой Божией. Так воспитывался и

создавался христианский дух русского народа. Отдельный случай, отдельная беседа могут казаться делом случайным и незначительным, мимоходным, но несколько бесед во всех концах Русской земли, в течение десятков и сотен лет незаметно воспитывали в русском народе христианское самосознание, которое сказывалось в нем в самые решительные моменты русской истории, в его отношениях к иноземцам и иноверцам. Это не было простое или недружелюбное отталкивание от них. Это было их восприятие в духе Христовой правды, в духе Христова учения. Отсюда ясным становится духовное воспитательное значение православной у веры для русского народа. А мы удивляемся, откуда у русского народа обнаруживаются черты народа-богоносца, о которых говорит Достоевский. Они обнаруживаются от того духовного сокровища, которое он носит в груди своей, и знаком которого является святой крест. Они обнаруживаются от его православия. В этом же заключается огромное духовное и воспитательное значение русских монастырей - там русский народ постоянно слушает за богослужением чтения о трудах и подвигах православных святых: святом Алексии, человеке Божием, святом великомученике Георгии, святителе чудотворце Николае, преп. Марии Египетской, святой Нине Грузинской. Все это западает в душу народа, умиляет его, трогает, воспитывает. А придет трудный исторический момент, и обнаруживается великая народная сила, о которой так хорошо и правдиво писал Некрасов, которая воспитана в русском народе повседневным, тихим, незаметным трудом Православной Церкви. Из этого ясным становится огромное значение русских монастырей, в которых русский народ повседневно слушает за богослужением чтения о трудах и подвигах православных святых, слышит выдержки, избранные места из книг православных подвижников - Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Иоанна Златоуста и других.

Все это не могло и не может проходить бесплодно и бесследно для слушателей, оставляя в их сердцах глубокий след, хотя и не всегда ясно сознаваемый. Русский народ умеет слушать и запоминать. Такова та духовная школа, тот народный университет, в котором столетиями воспитывался русский православный дух. Эта школа не осталась и не останется для народа бесследной. В ней воспитался его православный дух, которого не имеет западная христианская Европа.

Если большевики по своему воспитанию, по своей оторванности от Православной Церкви, по традициям заграничных наставников и руководителей не понимают, не признают и отвергают религию, в этом нет ничего удивительного - они прошли иную школу. Как русскому народу чужды Карлы Марксы, так социалистам чужды Аввы Дорофеи и Иоанны Лествичники. Это естественно. Достоевский все это прекрасно понимал и чувствовал, когда написал свои замечательные слова о том, что "инок победит в России безбожника". Достоевский прошел и опыт большевиков, и опыт верующего

народа. И на его слова можно положиться.

Все это дает нам твердое основание думать, что русский народ не захочет до конца "обезбожиться" и остаться в духовной пустыне - без Бога, без Христа, без Христовой Православной Церкви, без храма Божия, без Святых Таинств, без причастия Святых Тела и Крови Христовых, без заупокойной молитвы. Зная это, будем и мы духовно вооружаться и крепнуть в неразрывном единении с матерью Православной Церковью, которое явится для нас источником духовной силы и крепости, терпения и выносливости в грядущие, еще более страшные времена, предсказанные Христом Спасителем.

Да укрепит нас Господь и да поможет нам, должным образом подготовившись, достойно, мужественно, в полном единении духа, с верой, надеждой и любовью в сердце, с непоколебимой преданностью Христу, Богу и Церкви вступить в эти будущие, тяжкие времена последних страшнейших мировых событий, наступление которых, по слову Божию, неизбежно и которые потрясут Вселенную небывалыми испытаниями.

Протоиерей *Сергий Четвериков*.

Отец Сергей Четвериков

29 апреля покинул свое земное жилище отец Сергей Четвериков. В эмиграции, богатой выдающимся духовенством, не было и нет священника, равного отцу Сергию по духовному авторитету, по любви к нему его духовных детей и по тем бесчисленным связям, которые соединяли его и с молодежью, и со взрослыми, ищущими его руководства и совета. Но он был огромным авторитетом и для духовенства, в этом смысле справедливо назвать его старцем старцев. Отец Сергей прошел долгий путь священства, который всем кто знал его лично представляется ясным и безоблачным, как тихий июньский вечер. В нем была глубинная простота и ясность и однажды, встав на путь священства (преодолев для этого "Sturm und Drang" [2] - духовную бурю, о которой он сам пишет, но которую нам в нем и представить трудно), он шел по нему спокойно, ровно, воплощая в себе пленительный образ русского пастыря, русского старца. Удивительным образом сочетались в нем уставность со свободой, строгость с добротой, аскеза с любовью к людям, к природе, к культуре. У него были свои вкусы и убеждения, но у него не было предрассудков, поэтому суждения его были почти всегда неожиданными и новыми: предугадать или предсказать что он скажет и что сделает было невозможно. Мы знаем его как молитвенную душу Христианского студенческого движения. Он сблизился с ним в 1926 году, будучи настоятелем церкви в Братиславе, помогая возникшему там кружку, навещая

статья из журнала Признание

В "Вестнике РСХД" (№ 3 за 1926 г., литографированное издание) появилось замечательное "Письмо русским студентам, участникам Христианского движения", в котором о. Сергей излагал свое мнение о задачах и целях Движения и об опасностях, стоящих на его пути. Письмо содержит ряд автобиографических данных и покорило своей искренностью, простотой и ясностью. За ним последовали статьи "Отчего мы радуемся в день Святой Пасхи" (№ 6, 1926), "Христианство как рождение новой жизни в душе и как трудничество во имя Христово" (№ 2, 1928), "Задачи Движения" (№ 5, 1928) и др.

Движение очень быстро поняло с кем оно имеет дело и обратилось с просьбой к Владыке Евлогию дать им отца Сергия. Владыка, конечно, на это согласился. Но удивительно и типично для о. Сергия было то, как он сам принял это приглашение работать в учреждении нового типа, не вмещающегося ни в какие канонические формы и столь многими подозреваемое.

Вот что писал он в своем первом письме Движению, напечатанном в № 9 "Вестника" за 1928 год: "... митрополит Евлогий поручил мне пастырское руководство Русским христианским студенческим движением. Я сознаю важность и ответственность этого поручения, сознаю и слабость своих сил, но так как я люблю Движение, считаю его очень важным явлением русской жизни, многого ожидаю от него для Православной Церкви и для России, то я охотно готов посвятить ему весь остаток моей жизни, надеясь на помощь Божию и на молитвы всех тех, кому близко и дорого дело, совершаемое Движением...."

Дальше о. Сергей говорит о том, как он понимает свою задачу в Движении: не как администратора (потому что у Движения есть свои органы) и не как духовника (потому что члены Движения рассеяны по всему свету и уже имеют своих духовников). "В чем же в таком случае будет состоять мое отношение к Движению? По моему мнению оно будет состоять в том, что я буду жить с Движением одной жизнью, входить, насколько могу и сумею, в жизнь как отдельных членов Движения, так и в жизнь кружков и съездов, работать и молиться с ними, теснее связывать Движение с Церковью, помогать ему выяснять и осуществлять его задачи, содействовать его правильному церковному росту и развитию. Конечно, во всех перечисленных мною отношениях можно сделать и очень много, можно и ничего не сделать; можно стать полезным и нужным Движению, можно оказаться и тяготящим его бременем. Я искренно молю Бога помочь мне быть первым, а не последним", - писал он.

О том, насколько удалось о. Сергию выполнить свою задачу свидетельствует та...

горячая любовь, которая сопровождала его во всех его поездках по движению. А где он только не был! И повсюду у него образовывались крепкие связи, которые влекли за собой огромную, превосходящую воображение переписку. Если о суге d'Ars говорят, что он был "мучеником исповедальни", то об о. Сергии можно сказать, что он был "мучеником письменного стола".

В Париже, на стене около стола он прикрепил все фотографии съездов, кружков членов Движения. И снимок с сотнями глаз, смотрящих на сидящего перед столом о. Сергия, является символом Движения, как молитвенного братства, так и малой церкви: *ecclesia in episcopo, episcopus in ecclesia*.

У о. Сергия был особый дар, который можно назвать "явленной соборностью". Он сам признавал это, но принимал этот дар как свой долг - в первую очередь - молитвенный. Незадолго перед своей смертью он писал в Париж, обращаясь к членам Движения: "Расставаясь со всеми вами, и взрослыми, и юными - с любовью и молитвой призываю на вас благословение Божие, который давал мне силы носить вас в сердце своем, как некогда он давал силы

Моисею носить в сердце своем народ Израильский...." Это ношение в сердце других сказывалось и литургически: в церкви о. Сергия находили себе приют все бездомные священники; к церкви Движения Владыка Евлогий неизменно приписывал тех, кто оказывался без приходов. Поэтому бывали такие службы: служить о. Лев Липеровский, на клиросе поет и читает о. Виктор Юрьев, а прислуживает и подает кадило о. Сергей.

Это соборование духовенства в Движенской церкви стало традицией: так часто в ней служат, и столь многие! "Соборность" о. Сергия, видимая и ощущаемая в алтаре и храме и распространявшаяся на все Движение, им не ограничилась. В его речах и статьях всегда наличествует молитвенная память о русском народе, живая связь с русскими святыми. И уходя от нас, он завещал всем постоянно читать ту молитву, где поминается Собор святых - вселенских и русских - для того, чтобы самая память о Родине была для нас путем вхождения в Собор святых.

Мы не можем сейчас говорить подробно о работе о. Сергия в Движении, ни тем более о всей его жизни. Достаточно взять в руки "Вестник" и пересмотреть те 28 статей о. Сергия, которые в нем напечатаны, чтобы получить впечатление о значительности, глубине его работы и его влиянии. А к статьям надо еще прибавить Праздничные письма - проповеди (их в моей коллекции документов Движения 31). Достаточно просмотреть фотографические альбомы Движения, чтобы увидеть о. Сергия, окруженного парижанами, пражанами, рижанами, ревельцами, выборжцами и т.д. Поистине он был протоиереем всей Европы, как называл его митрополит Евлогий

После путешествия на Валаам (1930 г.) о. Сергей очень полюбил тишину этого монастыря и неоднократно уезжал туда для литературной и духовной работы. А в 1939 г., отправившись туда, он уже не смог вернуться в Западную Европу. В Сочельник 1940 года о. Сергей вместе с братией монастыря был эвакуирован в Финляндию и сначала жил во временном помещении монастыря, а потом, чтобы не обременять братию, переехал в Гельсингфорс, откуда перебрался в Братиславу к своему сыну Феодосию Сергеевичу. Там о. Сергей провел последние годы своей жизни, очень тяготясь тем, что жить ему пришлось в трех километрах от церкви, которую он по крайней слабости не мог посещать. Незадолго перед смертью он написал своим друзьям и сопастырям большое письмо, которое мы и печатаем ниже, ибо оно лучше всякой биографии творит вечную память дорогому почившему.

1. Статья впервые была опубликована в журнале РСХД. 1947. № 8 [^](#)
2. "Буря и натиск" [^](#)

Мой отклик

Как я сделался православным пастырем и о моем пастырстве в Русском студенческом христианском движении

(Ко дню 50-летия моего священства)

Узнав, что мои братья-сопастыри, мои духовные друзья и чада хотят устроить собрание по поводу исполнившегося 50-летия моего священства, хотят собраться для общей молитвы о моем достоинстве и друг о друге, я очень обрадовался и мне хочется, хотя и заочно, откликнуться на это молитвенное собрание и вместе с моими друзьями и любящими меня пережить этот мой достопамятный для меня юбилей. Только теперь я начинаю понимать, что пережить 50 лет священства - дело нешуточное. До сих пор я этого не понимал и не задумывался над этим. Только теперь я чувствую, что я взобрался на вершину какой-то огромной горы, восхождение на которую произошло для меня совершенно незаметно, как обычное будничное дело, на самом деле, далеко не так. И я чувствую себя сейчас похожим на того полководца, который, взойдя на верх неприступной крепости, говорил своим друзьям и товарищам: "Посмотрите, братцы, куда мы забрались! К самому престолу Божию! Как это мы сумели! Какую высоту, какие твердыни преодолели!" А как все, казалось, совершалось незаметно!

Ходил на уроки, служил обедни и всенощные и вдруг оказался перед престолом Божиим и должен посмотреть Богу в глаза! "Страшно впасть в руки Бога

Живаго"! А много ли я об этом задумывался?! Что теперь скажем? Какой отчет отдадим? Ведь мы добрались до самого престола Божия! Что скажем? Господи, прости? Господи, помилуй? Но не мало ли этого? А ведь шли день за днем, как будто по ровному месту, ничего не замечая... День за днем, день за днем... Достаточно ли было этого?! Господи, прости и помилуй.

"Страшно впасть в руки Бога Живаго". Прости нас, Господи! Не осуди. Не осуди за все наши немощи, за всю нашу распущенность, за все наше равнодушие! За всю нашу леность. И, особенно, за все это наше проклятое равнодушие, за отсутствие горения, за неряшливость, за непонимание куда мы идем, за непонимание высоты и ответственности нашего положения, за жизнь "спустя рукава"! О, Господи, голова кружится перед высотой величества Твоего! Дай мне хотя бы в эти последние дни моей жизни почувствовать на какой высоте я стою, и какая ответственность лежит на мне, и что ожидают меня святые и праведники, ангелы и архангелы, и Господь Вседержитель во всей славе Святой Троицы. А я, холодный, пустой и равнодушный вступаю в область этой невыразимой славы до которой добрался, сам того не замечая, не ценя этого, куда я иду, к чему приближаюсь, кому буду отдавать отчет за свои дела. Только теперь я вижу, что пережил 50 лет священства. А переживая их, я этого не чувствовал.

Братья-сопастыри! Отдаете ли вы себе ясный, сознательный отчет в своем положении? Где вы стоите? Перед кем? Что вы совершаете? Что вас ожидает? Я радуюсь, если отдаете. А я, грешный, не отдаю. "Страшно впасть в руки Бога Живаго", - сказал даже великий Апостол языков. А я этого никогда себе не говорил. Слова, может быть, и говорил, но не переживал их, как должно.

И вот теперь, с высоты 50-ти лет моего священства открывается передо мною весь пройденный путь моего священства. И не только путь священства, но и тот путь, которым я пришел к священству, не принадлежа по происхождению к духовному званию.

Я происхожу из небогатой и глубоко религиозной купеческой семьи маленького уездного города. И вот мне вспоминается неизгладимая картина. Моя мать лежит в гробу в нашем маленьком домике, крытом соломой, из трех небольших комнат. Гроб ее стоит в святом углу под иконами и окружен толпой плачущих женщин. Я, двухлетний ребенок, на руках какой-то женщины, вижу лежащую в гробу фигуру матери и понимаю, что это мать, но почему она лежит на столе в гробу - не понимаю.

Вспоминается и другой момент в том же маленьком доме. Масса веселых гостей. Молодая, красивая, царящая дама входит со двора в комнату, подходит ко мне и

молодая, красивая, парадная дама входит со двора в комнату, подходит ко мне и с приветливой улыбкой протягивает мне большое, красивое яблоко. Я отворачиваюсь от нее и прячусь за сундук.

С тех пор образ моей умершей матери для меня навсегда ассоциировался с образом Богородицы, а образ Иисуса Христа - с образом моего младшего брата, от родов которого скончалась моя мать, который и сам скоро умер.

Прекрасная дама, подарившая мне яблоко, оказалось моей мачехой, с которой мы потом были очень дружны, на коленях которой я засыпал за чайным столом, которая возилась со мной в моих частых болезнях и стала для меня почти родной матерью. Отец научил меня молиться, любить церковь и церковное пение. Благодаря отцу церковь и праздники, особенно, Рождество и Пасха занимали в нашей домашней жизни центральное место, явились ее главным содержанием и воспитывающим элементом. Каждую субботу я ходил с отцом ко всеобщей и полюбил церковное пение. Без наставлений и поучений церковь овладела моею душою.

Старшая сестра научила меня в свое время читать и писать. Старушка хозяйка, у которой мы жили потом на квартире, приучила меня читать ей и любить "Родное слово" Ушинского. Рождественские Святки и Пасха проходили радостно и весело. Христославы принимались с любовью и приветливо, награждались щедро и были любимым и единственным рождественским развлечением.

Семи лет меня отдали в школу к старому николаевскому солдату - Павлу Даниловичу. Девяти лет отдали в подготовительный класс Духовного училища не потому, что хотели сделать из меня священника, а потому что другой школы в нашем городе тогда не было.

Когда через три года у нас открылась прогимназия, меня приняли туда без экзамена во 2-ой класс. Учитель подготовительного класса навсегда остался в моей памяти любимым учителем. Он весь отдавался работе с нами. У него была прекрасно подобранная классная библиотека, и он руководил нашим чтением. Его странностью было то, что он курил в классе.

Начавшаяся русско-турецкая война захватила все наше внимание. Мы все были большие патриоты и славянофилы. Император Александр II был нашим кумиром. Генералы Гурко, Скобелев и другие приводили нас в восторг. Мы провожали на фронт уходившие из нашего города партии солдат, носили подарки раненым - кисеты с табаком и папиросы, смотрели на пленных турок, которых наши базарные торговки жалостливо кормили хлебом и арбузами.

В прогимназию меня приняли во 2-й класс без экзамена. Из училища я вышел без

сожаления, но с некоторыми преподавателями сохранил связь на всю жизнь, и они приезжали ко мне в гости, когда я был уже протоиереем. После бурсы, учение в прогимназии показалось мне легким и веселым. Нам повезло особенно на преподавателей математики - интересных и талантливых.

Наступил жуткий 81-й год. Я был в 3-м классе. В воскресенье 1 марта, часа в 4 приходит гимназический сторож. Плачет. Что такое? - Царя убили в Петербурге. - Как, царя, освободителя крестьян и славян? Бегу в собор, который был рядом с нашей квартирой. Собор переполнен народом. Плачут. Протоиерей говорит проповедь и сам плачет. Жутко стало. Гимназисты стоят на своем месте. Той же осенью в гимназии был литературный вечер, посвященный царю-освободителю. Меня назначили читать перед портретом императора вступительное стихотворение из какой-то газеты, посвященное убитому императору. Это событие наложило тяжелый колорит на весь год.

Летом мы ловили бабочек, на крыльях которых с нижней стороны были отчетливые цифры: на одном крыле - 18, на другом - 81. Бабочки были разных видов, но цифры были одинаковые и совершенно отчетливые.

В следующем году я окончил прогимназию. На акте мне подарили собрание сочинений Лермонтова. Первому ученику подарили собрание сочинений Пушкина. Лермонтова я очень полюбил и крепко сроднился с ним. Но он мне принес больше вреда, чем пользы, что особенно сказалось уже в старших классах гимназии: 6-м, 7-м, 8-м. Я всегда очень много читал. До 10-ти лет любил читать жития святых. Потом полюбил сочинения Фенимора Купера, Густава Эмара, Майн-Рида и др. В старших классах свободного времени было уже меньше и читал меньше. Из иностранных писателей любил Диккенса, Шпильгагена, Гюго; из русских - перечитал всех классиков - Пушкина, Гоголя, Тургенева и второстепенных - Лажечникова, Мордовцева, Островского и др. Любил читать народников - Глеба Успенского, Засодимского, Златовратского, Левитова, Помяловского и т.д. Читал журналы - "Отечественные записки", "Дело" и др. И всего не вспомнишь.

Лермонтова я очень любил, но он принес мне и много зла. Он испортил мою душу. И я с трудом избавился потом от того, что он вложил в нее. В Таганроге я пережил самые тяжелые годы моей жизни, во мне угасла вера, утратилась душевная и телесная чистота. Поддержки ни откуда не было. Я стал оживать и возрождаться только с 7-го класса гимназии, когда начались мои летние поездки в Крым к моей замужней сестре. Туда же приезжали две молодые девушки, учительницы, с которыми я познакомился и очень подружился. Своею чистотою и дружбою они согрели и очистили мою душу. Ничего романтического между

нами не было. мы катались на лодке, гуляли по окрестностям Севастополя, ходили по шоссе вдоль южного берега до Ялты... Эта чистая дружба, продолжавшаяся несколько лет, оживила, очистила, согрела и воскресила мою душу. Таганрогские переживания забылись, умерли, началась новая, чистая, светлая, духовная жизнь.

Толстой прошел мимо моей души, не задев ее, хотя я и перечитал все его запрещенные вещи. Его психология не соответствовала моему духовному складу. Я склонен был не к рассудочной жизни, а к жизни чувства и духа. Когда после нашего путешествия в Киев и в Крым мы вернулись в Москву, я почувствовал, что мне надо предпринять какой-то решительный шаг, иначе я дойду до Хитрова рынка, убежища московской голытьбы, среди которой много было "товарищей-студентов", горьких пьяниц... И я решил поехать в Сергиеву Лавру посоветоваться с молодым, новым ректором Духовной академии, архимандритом Антонием, слава которого уже гремела по Москве, и статьи которого о Толстом и Соловьеве уже были мне известны. Он сразу же пленил меня своей теплотой, простотой и светлым сияющим лицом. Беседа наша продолжалась часа два. Он посоветовал мне переходить в Академию и продолжать образование, но не уходить "в жизнь"; снабдил меня книгами и велел в следующем году приезжать в августе на приемный экзамен в Академию.

Всю зиму и лето я усердно занимался. В августе на экзамен съехалось 80 человек, лучших питомцев семинарии, прекрасно подготовленных, приехал и я со своей домашней подготовкой. Из 80-ти человек только 30 первых, выдержавших экзамен, могли рассчитывать на казенное содержание. Я выдержал экзамен 30-м по списку и был принят на стипендию преп. Сергия. Таковых Лаврских стипендий было в Академии четыре, по одной на каждом курсе.

Закончил Московскую Духовную академию стипендиатом преп. Сергия. В том году на Академическом акте читал свою знаменитую речь о преп. Сергии профессор Академии и университета В. О. Ключевский. Я слушал эту потрясающую речь, и она указала мне программу моей новой жизни. С поступлением в Духовную академию окончился период моих блужданий. Я нашел свой путь и успокоился.

Слушая лекции профессоров, я вместе с тем все время проводил среди толпы богомольцев со всех концов России - в Троицком Соборе у мощей преп. Сергия и преп. Никона, в часовне на месте кельи преподобного, где ему являлась Божия Мать и где каждую пятницу в два часа ночи, в память этого моления служился молебен Божией Матери с акафистом при пении полного хора лаврских певчих; в Гефсиманском скиту у духовника старца Германа; в скиту Черниговской школы Божией Матери и духовника старца Варвары, который был и моим

иконы Божией матери у духовника старца Барнавы, который был и моим духовником. Я вступил в новую жизнь, радостную и мирную, полную научного богословского труда, которая совершенно захватила мою душу и вполне меня удовлетворила. Ко мне вернулись чувства и свежесть моего детства.

Через четыре года я окончил курс в Академии и тотчас же сделался священником в Крестовоздвиженском трудовом братстве, возникшем при сельскохозяйственных школах, мужской и женской, основанных черниговским помещиком Н. Н. Неплюевым.

Следующим местом моего пастырства была знаменитая Пятницкая Церковь XII века в Чернигове, а затем началось мое законоучительство в Саратовской второй гимназии, в Саратовском епархиальном училище и в Полтавском Петровском кадетском корпусе, где оно продолжалось 12 лет до эвакуации из России вместе с Корпусом в 1919 году. В эмиграции я был некоторое время еще законоучителем в Корпусе, но по нервному расстройству оставил законоучительство и перешел в Сербский сельский приход, а затем в Братиславу, где и положил основание Братиславскому крестовоздвиженскому приходу.

Через 4 года был перемещен митрополитом Евлогием в Париж священником Русского студенческого христианского движения и основал там Движенскую церковь во имя Введения во храм Божией Матери. Наступили лучшие годы моего эмигрантского пастырства и продолжались они десять лет. О них нельзя говорить кратко. До такой степени они были полны глубокого содержания, так много давали мне глубоких и трогательных переживаний как в Париже, так и на летних съездах во всех концах Европы - от Франции до Финляндии, на Юге и на Севере. У меня образовались огромные духовные связи как с молодежью, так и со взрослыми членами Движения, огромная переписка. Наступившие десять лет были лучшими годами не только моей эмигрантской, но и всей моей 50-летней пастырской жизни. Центром этой жизни и деятельности был Париж, органами ее были съезды и отчасти лагеря. Путями - огромная переписка. Я не понимаю, почему все так сложилось, но такова, значит, была воля Божия. Особенное и главное место во всех этих связях, встречах и общении принадлежало молитве, исповеди, причащению Святых Тайн и затем - переписка. Чувствовалось, что мы все носим молитвенно друг друга в своих сердцах. И ничего в этом не было искусственного, напускного, притворного. Была естественная, духовная, молитвенная общая жизнь со Христом, вполне искренняя, с отсутствием всякого притворства и ханжества, по крайней мере, так я ее воспринимал. Эта наша 10-летняя молитвенная жизнь во Христе была истинной милостью к нам Божией, по крайней мере, так я ее воспринимал. И Бог давал мне силы выдерживать ее. Слава Богу за все.

Восстановление памяти о прошлом и настоящем, о любви и молитве

гасставаясь со всеми вами, и взрослыми, и юными, с любовью и молитвой призываю на вас благословение Божие, который давал мне силы носить вас в сердце своем, как некогда Он давал силы Моисею носить в сердце своем народ израильский. Конечно, я не претендую на заслуги Моисея, но частичка Моисейского духа была и во мне, усиливаясь и укрепляясь единением и молитвою с другими работниками Русского студенческого христианского движения. Я не обвиняю себя за то, что не могу больше работать с вами. Я благодарю Бога за то, что Он дал мне пережить с вами, благодарю и тех, кто призвал меня к этой работе и благословил меня на нее. Вечная память блаженно почившему, незабвенному митрополиту Евлогию, с любовью благословлявшему наш труд и собрания и принимавшему в них живое участие. Вечная память почившим в Господе членам нашего Движения, молодым и старым, одинаково горевшим любовью к нашему святому делу. Центром, средоточием всей нашей молитвенной братской жизни была и да будет молитвенная память о Господе нашем Иисусе Христе, о Пречистой Богородице и Приснодеве Марии и обо всех верных участниках нашей молитвенной братской жизни. Да будет эта память жить в сердцах наших, согревать и одушевлять их до самого момента радостной нашей встречи в ином мире у ног нашего Спасителя и Его Пречистой Матери! Будем молиться друг за друга! И за наших усопших братьев и сестер!

Протоиерей *Сергий Четвериков*.

1946 г. 10/23 XII.

Братислава.

Чехословакия.

Биографическая канва

Сергей Иванович Четвериков родился 12 июня 1867 г.

Окончил Московскую Духовную академию в 1896 г.

Рукоположен епископом Антонием в диакона - 14 июля 1896 г.

Рукоположен епископом Антонием в иерея - 21 июля 1896 г.

Назначен настоятелем Крестовоздвиженской церкви трудового православного братства (Неплюевского) в Глуховском уезде Черниговской губернии в 1898 г.

Назначен настоятелем Параскевтевской церкви в г. Чернигове в 1898 г.

Законоучитель образцовой школы при женском епархиальном училище.
1898-1900 гг.

Законоучитель саратовской 2-й гимназии - 1901 г.

Законоучитель Петровского Полтавского корпуса - 1907 г.

Председатель Братства законоучителей - 1911 г.

Товарищ председателя Всероссийского съезда духовенства и мирян в
Москве в 1917 г.

Эвакуация с Полтавским корпусом (через Владикавказ, Кутаиси, Боржоми, Батуми, Крым в Константинополь) - в 1920 г.

Настоятель прихода в сербской деревне Лика (между Боснией и Хорватией) с 1920-1923 гг.

Настоятель прихода в Братиславе - 1923-1928 гг. Священник РСХД - с 1928 г.

Кончина (в Братиславе) - 29 апреля 1947 г.

Незадолго до смерти о. Сергей принял схиму.

Список важнейших трудов о. Сергия

Книги

1. Жизнеописание старца Амвросия Оптинского.
2. Жизнеописание старца Паисия Величковского. Полный текст по-румынски. Сокращенный перевод на русском языке.
3. Оптиная пустынь (исторический очерк и личные воспоминания). Париж. С. 185.
4. Сборник о Молитве Иисусовой. Великим Постом. Париж. 1926. С. 63.
Путь чистоты (из бесед пастыря законоучителя). Париж. 1920. С. 39.

Статьи общего содержания

1. Из истории русского старчества (Паисий Величковский) // Путь. 1925. № 1.
2. Путь умного делания и духовного трезвения (Паисий Величковский) // Путь. 1926. № 3.
3. Из истории русского старчества, об умной молитве // Путь. 1927. № 7.
4. Евхаристия как средоточие христианской жизни // Путь. 1930. № 22.
5. О трудностях религиозной жизни в детстве и юношестве // Путь. 1932. № 34.
6. Открытое письмо Н. А. Бердяеву по поводу его книги "Судьба человека в современном мире" // Путь. 1935. № 46.
7. О мировом зле и спасающей Церкви (по поводу статьи Н. А. Бердяева) // Путь. 1935. № 48.
8. Открытое письмо Н. А. Бердяеву // Путь. 1936. № 50.
9. О внутренних препятствиях на пути к Евангелию // Вестник РСХД. №1,2,3,5.1927.
10. Теософия и христианство // Вестник РСХД. 1927. № 10.
11. Христианство как рождение новой жизни // Вестник РСХД. 1928.
12. № 2. Два юбилея (Л. Толстой и о. Иоанн Кронштадский) // Вестник РСХД. 1928 № 10

13. Мысли и жизнь русских старцев // Вестник РСХД. 1929. № 1-2. Христос Воскресе // Вестник РСХД. 1929. № 5.
14. Святой Дмитрий Ростовский // Вестник РСХД. 1929. № 6. Новый год и Церковь // Вестник РСХД. 1930. № 1.
15. О месте Ветхого Завета в христианстве // Вестник РСХД. 1930. № 5.
16. Экуменизм и единство Церкви // Вестник РСХД. 1930. № 7.
17. Над Евангелием // Вестник РСХД. 1930. № II, 12. 1931. № 1, 2.
18. Православный пастырь и русская молодежь // Вестник РСХД. 1931. № 8.
19. Пасха в Сарове // Вестник РСХД. 1933. № 2. Несколько слов по поводу заметки митрополита Антония "Когда это кончится" // Вестник РСХД. 1934. № 2.
20. Религиозно-христианское мирозерцание как основание человеческой жизни и культуры // Вестник РСХД. 1935. № 1, 2.
21. Во дни юности // Вестник РСХД. 1935. № 8-11.

Статьи о журнале РСХД, напечатанные в "Вестнике РСХД"

1. Письмо русским студентам, участникам Христианского движения. 1926. № 3.
2. После съезда. 1927. № II. РСХД и Россия. 1927. № 12.
3. Задачи Движения. 1928. № 5.
4. Работа Движения как служение Церкви и Родине. 1928. № 11.
5. Содружество в Движении. 1929. № 11.
6. Пути Содружества в Движении. 1929. № 12.
7. Что такое Содружество и чем оно хочет быть. 1930. № 10.
8. Что такое церковность и церковно ли Движение. 1932. № 6-7.
9. Еще несколько слов о миссии РСХД в Православной Церкви. 1933. № 1.
10. Несколько слов по поводу моего назначения священником РСХД. 1928. № 9.
11. Из болгарских впечатлений. 1929. № 1-2.
12. Наши недочеты. 1929. № 4. Заметки о Движении. 1929. № 8-9.
13. Праздник Движения. 1930. № 12. После съезда. 1932. № 8-9.
14. Два мира. 1930. № 3.
15. РСХД в его прошлом и настоящем. Доклад III Епархиальному съезду Духовенства и мирян Западно-Европейской православной русской епархии. (Литограф, издание, с. 22).

Статьи педагогические

1. К вопросу о религиозном воспитании и образовании заграничной русской молодежи. (Под ред. прот. Четверикова). Париж. 1928. С. 59.
2. О религиозном воспитании детей и молодежи // Вопросы религиозного

2. О религиозных запросах детей и подростков // Вопросы религиозного воспитания и образования. Париж. 1927. Вып. 1
3. О христианской семье // Вопросы религиозного воспитания и образования. Париж. 1928. Вып. 3.
4. Неотложная задача русской зарубежной Церкви // Бюл. рел.-педаг. кабинета. № 1.
5. Церковно-приходские союзы родителей // Бюл. рел.-педаг. кабинета. № 2.
6. Педагогическая работа с девочками и девушками в Румынии // Бюл. рел.-педаг. кабинета. № 3. По поводу статьи "О Движении" // Бюл. рел.-педаг. кабинета. № 13.